

Генри Дэвид Торо за 90 минут

2006, источник: [здесь](#)

КАК ОБРЕСТИ ИНДИВИДУАЛЬНУЮ СВОБОДУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы открыли, поможет вам за предельно краткое время изучить последовательность и логическое развитие философских взглядов и воззрений американского философа и писателя-романтика Генри Дэвида Торо, «смотрителя ливней и снежных бурь», как окрестил себя он сам, или «бакалавра природы», как называл его глава трансценденталистского кружка философ Ральф Уолдо Эмерсон.

Одной из причин «затерянности» Торо в философской традиции, его практической неизвестности российскому читателю, возможно, является сознательный вызов Торо философской традиции в той современной ему (и привычной нам) форме, предусматривающей обязательную включенность собственных произведений в так называемый философский контекст, дискурсивность, «ткань современности» и т. д. Торо — проповедник «практического изоляционизма», сознательного разрыва с обществом как единственной возможности самосохранения и самореализации личности. Торо не пошел по пути создания очередной общественной теории, которой не суждено было бы сбыться (как, например, в случае современной Торо теории пролетарской революции), но предположил возможность обретения индивидуальной свободы, не порывая физически (географически) с ненавистным обществом. Он построил на берегу озера с минимальными материальными затратами домик, в котором жил два года, проверяя собственную теорию. Теория подтвердилась и была представлена широкому кругу читателей в виде замечательного произведения «Уолден, или Жизнь в лесу». Многочисленных последователей в практике философского уединения Генри Торо при жизни не приобрел. Однако и сам Торо впоследствии не вернулся к «идеальному» образу жизни, описанному после завершения своего эксперимента.

Теория потребностей считается одной из основных тем «философии Торо», и она может являться причиной критики автора как философа, хотя далеко не все считают Торо таковым, называя его прежде всего писателем или экологом, теоретиком природоохранного движения. Справедливости ради следует отметить вклад Генри Торо в каждое из указанных направлений творчества: во всяком случае, его центральное произведение уже полтора столетия не остается без внимания как философов, так и литературоведов, активистов природоохранного движения, экологов, просто любителей увлекательного чтения.

Иногда рядовому читателю тяжело сопоставлять имена из философского словаря: основоположники немецкого идеализма, диалектического материализма, и вдруг «какой-то» Торо. Однако, следуя призыву основоположников мыслить без скидок на авторитеты, можно очень скоро отыскать в «Уолдене» ответы на вопросы, найденные европейской философией столетием позже, и не столь дорогой ценой.

Говоря о философских взглядах Торо, нельзя не упомянуть о трансцендентализме и его последователях.

Трансценденталисты — участники американского литературно-философского движения XIX века, основавшие в 1836 году в Бостоне Трансцендентальный клуб. В движение входили Р. Эмерсон, Г. Торо, Д. Рипли, Т. Паркер. Восприняв взгляды И. Канта и Г. Гегеля, С. Кольриджа, трансценденталисты искали выход из мира стяжательства и «суеты» в самосовершенствовании, обретении личностью духовной свободы. В среде трансценденталистов Торо особенно свойственно пантеистическое чувство природы. Указанных выше философов можно рассматривать как идейных предшественников Генри Торо, во многом определивших философские, этические и эстетические воззрения автора «Уолдена». Центром трансцендентализма стал небольшой городок Конкорд в штате Массачусетс, где постоянно жили Эмерсон и Торо.

Начиная с осени 1836 года в Бостоне в домах либерально мыслящих интеллигентов начал собираться Трансцендентальный Клуб. В кружок в разное время входили известные аболиционисты Теодор Паркер и Орест Браунсон, передовой педагог Амос Олкотт, представитель американского фурьеризма Джордж Рипли, литературный критик Маргарет Фуллер и другие известные люди. Из писателей, кроме Торо, к кружку был близок американский романтик Натаниель Готорн. Клуб не имел ни хартии, ни официального манифеста, ни дисциплинарного устава. Объединение не имело выборных органов управления, являлось «неформальным» сообществом, бросавшим вызов типичным для эпохи чопорным сообществам, жизнь которых регламентировалась уставом, но живое общение в которых практически отсутствовало.

Клуб основал проповедник Фредерик Генри Хедж, живший в пригороде Бостона, поэтому первоначально организация называлась «Клуб Хеджа». В это время философский кружок объединялся вокруг философа, поэта и публициста Ральфа Уолдо Эмерсона.

«Трансценденталистами» кружок окрестили оппоненты Эмерсона, которые высмеивали крайнюю отвлеченность стремлений членов кружка и литературную манеру его представителей. Тем не менее, участники объединения приняли это название, вложив в

него собственный смысл, связанный с отрицанием утилитарного подхода к действительности.

Полезно помнить, что слово «трансцендентализм» имеет несколько значений. Кроме того, следует различать понятия «трансцендентное» и «трансцендентальное» — слова, которые не являются понятиями-синонимами. Оба слова происходят от латинского глагола *transcendere* (превосходить, выходить за пределы). Термин «трансцендентное» используется для указания на нечто, что недоступно пониманию, что находится за границами опытного восприятия. И. Кант применил понятие «трансцендентальное» для обозначения того, что присуще человеческому рассудку изначально, что предшествует опыту, но опытом непостижимо. По Канту, трансцендентальными формами являются пространство, время, причинность, необходимость и другие категории. Трансцендентным называют все, относящееся к некоей сверхчувственной субстанции (Богу, Верховной Душе и т. д.). Трансцендентное познается интуитивно, и это определение относится далеко не только к представителям американского кружка «трансценденталистов», в наименовании которого можно усмотреть лишь одно из многочисленных проявлений американской оригинальности в духовной сфере. В США под трансцендентализмом понимался вообще идеализм, и трансценденталистом считался любой, кто проявлял склонность уважать собственную интуицию. Таким образом, трансцендентализмом принято называть как направление (течение) философской мысли, так и теоретико- познавательную позицию.

В целом члены Бостонского кружка выступали против сенсуализма, эмпиризма и рационализма Просвещения. Опосредованно опираясь на философию немецких идеалистов, они пытались осуществить социальную программу, в которой была бы невозможна коммерциализация социальной и духовной жизни. Традиционная религиозность отвергалась трансценденталистами, которые, однако, признавали наличие сверхчувственной субстанции, пропагандируя ересь агностицизма.

Торо был трансценденталистом, он верил в существование «сверхдуши» или божественной моральной силы, которая управляет всем творением. Торо интересовался учением буддистов и первым перевел на английский язык «Лотус Сутру». Философско-этические воззрения буддистов оказали существенное воздействие на развитие и содержание природоохранных взглядов Генри Торо.

Торо был убежден в том, что лишь близость к природе может представлять трансцендентный идеал существования человека, указать путь к достижению нравственности и гармонии. Духовному саморазвитию способствует одиночество, которое помогает человеку ощутить свою природную гармоничность. Природа, по Торо, является идеалом красоты и морального совершенства. В общении с природой можно обрести источник очищения души, средство достижения гармонии с космическим порядком.

Призвание философии Генри Торо находил в осмыслении индивидуальных и общественных проблем человека, в формировании идеала человека, который безусловно любит мудрость. Идеальный человек независим, живет в простоте, великодушии и вере. Генри Торо призывал наполнить каждое мгновение жизни сокровенным смыслом, а выявление глубинкой человеческой предназначенности может быть содержанием этого смысла.

Глава 1. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ И КРАЕУГОЛЬНЫЕ КАМНИ ФИЛОСОФИИ ГЕНРИ ТОРО

Генри Дэвид Торо (1817–1862), американский писатель и философ, родился 12 июля 1817 года в Конкорде (штат Массачусетс), в семье ремесленника. Его дед со стороны отца — француз с острова Джерси, переселившийся в Америку накануне Войны за независимость; мать — шотландского происхождения.

За исключением четырех лет, затраченных на обучение Гарвардском университете (1833–3837), и шести месяцев, проведенных на Стейтен-Айленд в 1843 году, Генри Торо всю жизнь провел в Конкорде. Конкорд прославился еще во время Войны за независимость, но известности городу добавил и тот факт, что в нем жили и работали такие люди, как Р. У. Эмерсон, А. Олкотти Н. Готорн.

Г. Торо — исключительно многогранная и многоплановая личность, в разных странах и в разное время к нему относились неоднозначно и не всегда рассматривали в первую очередь как литератора или общественного деятеля. В США и Канаде наиболее ценят идеи Торо как теоретика природоохранной деятельности. Г. Торо первым в западной культурной традиции стал говорить о дикой природе как о нравственной и свободной сущности, которую именно за это и нужно ценить.

Торо поступил в Гарвардский университет, получив стипендию как нуждающийся студент, и окончил его в 1837 году. Он изучил древние языки, а также немецкий, французский, испанский и итальянский. Античность вскоре заняла важное место в духовном мире Торо, он перевел на английский «Семеро против Фив» Эсхила. Влияние социальных и этических идей европейских, романтических критиков капитализма было общим для всех трансценденталистов.

Вернувшись в Конкорд, Торо сблизился с Эмерсоном и стал младшим сочленом в кружке трансценденталистов. Весной 1841 года Торо переехал к Эмерсону и жил у него в течение двух лет в качестве ученика, помогая по дому. Он напечатал свои первые очерки и стихи в «The Dial» («Циферблат» — главный журнал трансценденталистов) и периодически выступал с лекциями перед конкордской публикой.

Торо попытался совместно с братом открыть собственную школу, основанную на принципах свободного обучения, пропагандируемых педагогом-новатором Амосом Олкоттом. Однако конкордское общество не было готово к педагогическим нововведениям: школа Торо просуществовала очень небольшое время. После ее закрытия Торо отчаялся зарабатывать на жизнь гуманитарным трудом.

В истории американской философии Торо знаменит прежде всего своим необычным поступком — уходом в лес — и литературным произведением «Уолден, или Жизнь в лесу», в

котором подвел итог двухлетнего «трансцендентного» существования. С 4 июля 1845 года по 6 сентября 1847 года Торо проживал в полном одиночестве в самостоятельно построенной хижине. Возделывание бобового поля позволило ему содержать себя, поэтому писатель был в известной степени независим от обычного ведения дел, принятого в современном ему американском обществе.

Уход в лес не означал, однако, бегства от реальных жизненных проблем и общественной деятельности; это предприятие не снизило общественной активности Торо. Аболиционисты характеризовали его как человека «бесстрашной души, преданного только истине». Кроме того, Торо получил известность как превосходный натуралист и путешественник по неизведанным лесным местам.

На политические взгляды трансценденталистов оказало сильное воздействие фурьеристское движение. Многие из членов конкордского философского кружка участвовали в организации в 1841 году вблизи Конкорда сельскохозяйственной колонии Брук-Фарм, из которой, согласно воззрениям Фурье, должно было вырасти гармоническое общество будущего. Колония должна была продемонстрировать обществу пример разумной организации жизни.

Брук-Фарм просуществовал около шести лет. Колония распалась по причине непреодоленных материальных затруднений, однако к 1847 году, когда это произошло, в стране был заметен общий упадок утопического социализма. Эмерсон, Маргарет Фуллер и Торо не приняли участия в фурьеристском эксперименте. Трансцендентализм как идейное направление оставался в своей основе индивидуалистичным и продолжал рассматривать задачу переустройства жизни как совершенствование каждой отдельной личности, осуществляемое собственными усилиями. Поэтому один из самых молодых и активных членов кружка, Генри Торо, решил воспроизвести социальный опыт Брук-Фарм лично.

Трансценденталисты были экономическими романтиками. Они продолжали искать такой путь общественного развития в США, при котором экономические и социальные противоречия были бы сглажены общегражданским соглашением и самостоятельный производитель (фермер, ремесленник) остался бы основной фигурой американской жизни.

Помимо чтения и бесед в кружке Эмерсона, Торо вырабатывает собственный метод духовных исканий в форме естественнонаучных экскурсий на лоне природы. Независимо от погоды и времени года, днем и ночью Торо наблюдает природу конкордских окрестностей и заносит свои впечатления и размышления в дневник — источник материалов для будущих книг и лекций. Эти «философские» прогулки стали его привычной и необходимой потребностью до конца жизни.

Торо зарабатывает необходимый прожиточный минимум, работая в мастерской отца или занимаясь поденным физическим трудом по найму. Все остальное время он посвящал литературным занятиям и наблюдениям над природой. Молодой философ проникается все большей антипатией к жизненным целям и к обиходу своих конкордских сограждан, которые отвечают ему тем же, считая его чудаком и бездельником.

Первой опубликованной книгой Торо стала «Неделя на реках Конкорда и Мерримака» (1849) — рассказ о двухнедельном путешествии, совершенном в 1839 году вместе с братом Джоном, в сочетании с эссе и стихотворениями. Другая книга, «Леса Мэна» (1864), основана на трех путешествиях по штату Мэн, следующая — «Кейп-Код» (1865) — описывает прогулки на полуострове Кейп-Код. Обе книги Торо были опубликованы посмертно, хотя при жизни писателя отдельные части печатались в журналах. «Неделя на реках Конкорда и Мерримака» была издана Торо на свои средства. Книга вызвала восторженные отзывы Эмерсона и Олкотта, но не имела успеха у публики. Наиболее известным произведением, помимо «Уолдена», и наиболее читаемым и почитаемым до настоящего времени остается текст, ставший катехизисом революционеров всех времен и народов — «О долге гражданского неповиновения» (1848). Этот текст пережил века и содержит положения, которые были приняты в качестве всеобщих законов ненасильственного сопротивления лидерами освободительных движений во многих странах мира.

Главный труд Торо — «Уолден, или Жизнь в лесу» — критически анализирует ценности современного писателю общества. Подробный отчет о постройке хижины и устройстве очага, расчете прибылей и расходов от выращивания бобов и картофеля напоминает приключения Робинзона Крузо. Картины сезонных сельскохозяйственных работ поражают художественной выразительностью в описании и глубиной обнаруживаемого в них смысла.

Торо покинул озеро только тогда, когда осознал, что он в силах жить так, как ему хочется. Принадлежащему семье магазину и обязанностям землемера он уделял ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы материально поддержать родителей и сестру (сам Торо так никогда и не женился) и обеспечить себе самую скромную жизнь. Торо не хотел расходовать жизнь на приобретение вещей и старался свести к минимуму «стяжательские» траты.

Привлекательность прозы Торо во многом обязана его достоинствам как публициста: темпераменту, меткости сатиры, остроумию полемики. Однако стиль Торо имеет также выразительные особенности, получившие первостепенное значение для дальнейшего развития американской литературы. Торо не был лишен пафоса естественнонаучного описания, который позволил ему достичь высокой языковой точности, конкретности и простоты. По этой причине произведению была уготовлена участь предвосхитить новейшую американскую реалистическую прозу: книга стала ее предшественником.

Черты «чуждости» в личном облике и в позиции Торо, которые отражают провинциальность современной ему американской интеллектуальной жизни, не вредят его нравственному облику, позволившему Генри Торо стать одним из наиболее стойких противников «американского образа жизни» своего времени.

Громкая слава Торо начинается в XX столетии, когда «Уолден» был признан в США классическим произведением американской литературы. Несмотря на это, личность Торо оценивалась критиками противоречиво: от абсолютизации индивидуализма Торо, «анархичности» и недоверия к политике (хотя эти черты в значительной мере ослабели в Торо к концу жизни), до зачисления его в писатели «антикапиталистического» направления. В XX столетии его называли также предшественником современной контркультуры,

провозвестником современного романтизма.

В 1860-х годах усилиями друзей Торо были посмертно изданы несколько книг, посвященных американской природе, продолжающих по своему жанру линию «Уолдена». Главные произведения Торо и его обширные дневники вошли в двадцатитомное (так называемое Уолденское) собрание его сочинений, вышедшее в 1906 году. Это собрание включает практически все написанное Генри Торо, за исключением одного

грандиозного труда: работа более чем десяти лет над книгой об американских индейцах осталась Торо незавершенной, а обширные записки, собранные для нее, неизданными.

За убеждения, высказанные в работе «Гражданское неповиновение», Торо в июле 1846 года пришлось провести ночь в тюрьме. Тема гражданского сопротивления была развита писателем впоследствии в эссе «Рабство в Массачусетсе» (1854), «В защиту Джона Брауна» (1860), «Жизнь без принципов» (1863). Все эти произведения отстаивали неприятие вмешательства правительства в жизнь людей. Политические взгляды Торо мы рассмотрим позже, а пока предоставим Торо высказать то отношение к современному ему обществу, которое привело писателя к столь резкому его неприятию.

Вот что говорит Генри Торо о Соединенных Штатах и американцах:

Мы не отличаемся религиозностью, но мы нация политиков. Мы не очень-то чтим Библию и не читаем ее, но мы чтим газету и читаем ее. Это библия, которую мы читаем каждое утро и каждый вечер, стоя и сидя, в поездке и на ходу. Эту библию каждый носит в кармане, она лежит на каждом столе и прилавке, ее непрерывно распространяют почта и тысячи миссионеров. Это единственная книга, которую Америка издала и которая способна оказывать огромное влияние — хорошее или плохое.

Неужели мне суждено только слышать о Платоне и не прочесть его книги? Будто Платон — мой земляк, а я его никогда не видел, мой ближайший сосед, а я ни разу не слышал его речей и не вдумывался в их мудрость. Почему это происходит?

Я много ходил по Конкорду, и везде — в лавках, в конторах и на полях — мне казалось, что жители его несут тяжкое покаяние. Двенадцать подвигов Геракла кажутся пустяками в сравнении с тяготами, возложенными на себя моими ближними. Тех было всего двенадцать, и каждый достигал какой-то цели, а этим людям никогда не удастся завершить хотя бы часть своих трудов.

Мы — мелкая порода, наши духовные победы ограничены строками ежедневных газет.

Торо считает, что жизнь современных ему американцев — жизнь безумцев, не умеющих отличить хорошее от дурного и губительное от полезного. Верным курсом по преодолению наблюдаемой ситуации Г. Д. Торо полагал духовное самосовершенствование человека:

Люди заблуждаются. Лучшую часть собственной души они запахивают в землю на удобрение. Это — жизнь дураков, и они это обнаруживают в конце пути, а иной раз и раньше. Большинство людей, даже в нашей относительно свободной стране, по ошибке или

просто по невежеству так поглощены выдуманными заботами и лишними тяжкими трудами жизни, что не могут собирать самых лучших ее плодов.

Совершенно очевидно, что многие из вас живут жалкой, приниженной жизнью.

Для Торо не представляет сомнения, что капиталистическая промышленная цивилизация строится на костях трудящихся в США точно также, как и в Европе. Решение, предложенное Торо, состоит в следующем: если материальные блага, на которых основывает свой успех современная цивилизация, несут с собой закрепощение человека и ущерб для его духовного мира, то следует отказаться от этих благ, обойтись без них.

Торо оспаривает необходимость общения людей между собой в форме вынужденного соседствования, которое предлагает современная городская цивилизация:

Мы живем в тесноте, мы спотыкаемся друг о друга... Подумайте о фабричных работниках: они никогда не бывают одни, даже в своих сновидениях. Мы построили нечто роковое, создали Атропос, ту, что не сворачивает со своего пути (так бы и следовало назвать паровоз). Людей оповещают, что в такой-то час и минуту стрела полетит по тому или иному направлению, но это никому не мешает заниматься своим делом, и по второму пути дети идут в школу. Жизнь стала даже устойчивее. Всех нас воспитывают, как сыновей Телля. Воздух полон невидимых стрел. Каждая тропа, кроме вашей, — тропа судьбы. Так держитесь уже лучше своей.

Каким образом сохранить (или обрести) личную свободу в условиях агрессии городской цивилизации? Что есть эта свобода? В чем ее назначение? — центральные вопросы философского творчества Генри Торо. Возможность обретения таковой посредством реализации программы самоусовершенствования, основанной на переосмыслении так называемых «общепринятых ценностей», не являющихся на самом деле ценностями, составляет итог его философского творчества и значение для последующих поколений мыслителей.

Глава 2. «УОЛДЕН, ИЛИ ЖИЗНЬ В ЛЕСУ»

В художественном по форме трактате «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854) Генри Торо изложил оригинальную космологическую концепцию природы и человека. Торо был убежден, что только близость к природе, которая воплощает трансцендентный идеал, может указать человеку путь к нравственности. Постижению этого пути способствует одиночество, которое помогает человеку ощутить свою природную гармоничность.

2.1. Свобода и потребности

Итак, в 1845 году (так называемое время «ранней американской философии») уровень урбанизации и промышленного развития Америки не отставал от европейского. Местная общественность не менее горячо, чем в европейских столицах, дискутировала проекты «справедливого» переустройства мира, создавая социальные теории и проводя различного

масштаба и безрассудства эксперименты. Все участники дискуссий сходятся в необходимости личного освобождения человека как предпосылки устройства справедливого миропорядка, однако единство во взглядах не наблюдается. Впрочем, во все века это не было существенным для настоящего философа.

Пускай мы не достигнем гавани в рассчитанное время, лишь бы не сбиться с верного курса.

Теоретики желают освободить человека, освободить личность и дать ей возможность развиваться. Маркс считает, что от мечтаний необходимо перейти к действиям, которые должны основываться на знании. Поэтому нужно понять мир, а затем переделать его так, чтобы личность в этом мире была свободной и гармоничной.

Личная свобода — это свобода от неуправляемых мощных сил. Чтобы стать свободной, личности нужно осознать ряд необходимостей. Понятие свободы у Маркса связано с понятием потребностей, которые с необходимостью возрастают. Целью

общественного регулирования, осуществляемого государством, является обеспечение равенства возможностей граждан в удовлетворении потребностей при обеспечении равенства усилий в производстве средств их удовлетворения. Торо также ставит первоочередным требованием для обретения личной свободы самоурегулирование внутренних мотиваторов:

«Человек раб и пленник собственного мнения о себе. Судьба человека определяется тем, что он о себе думает.

Накопление собственности и заботы по приумножению ее изнуряют человека, который едва успевает опомниться перед смертью и признать, что жизнь его пролетела впустую.

Из города, полного отчаяния, вы попадаете в полную отчаяния деревню и в утешение можете созерцать только храбрость норок и мускусных крыс.

Если утверждать, что цивилизация действительно улучшает условия жизни, то необходимо доказать, что она улучшила и жилища, не повысив их стоимости; а стоимость вещи я измеряю количеством жизненных сил, которые надо отдать за нее — одновременно или в рассрочку. (Рабочий в США должен — ред.) истратить большую часть жизни, пока заработает себе на вигвам.

Я не могу поверить, что наша фабричная система является лучшим способом одевать людей. Положение рабочих с каждым днем становится все более похожим на то, что мы видим в Англии, и удивляться тут нечему — ведь, насколько я слышу и вижу, главная цель этой системы не в том, чтобы дать людям прочную и пристойную одежду, а лишь в том, чтобы обогатить промышленников.

Блеск одного класса обеспечивается нищетой другого».

Человек поработает себя внешними силами самостоятельно, поэтому и освободиться от них должен сам. Чаще всего человека сковывает его собственное представление о себе и

занимаемом в жизни месте. Часто человек связан ложно понимаемым чувством необходимости. Часто он связан собственными желаниями, ради удовлетворения которых добровольно расплачивается собственной свободой. Торо считает, что каждый человек располагает той степенью свободы, которую сам заслуживает. Обретение (увеличение) личной свободы может быть связано только с устранением мнимых «необходимостей», освобождением от лишних потребностей. Это является предварительным условием реализации потенциала самовыражения. Поэтому освобождение человека — не коллективная деятельность, но самовоспитание: чем больше человек освобождается от потребностей, большинство из которых представляют собой «псевдопотребности», не имеющие ничего общего с потребностями «подлинными» (подобно тому как у современного Торо Ницше на противоположном берегу Атлантики оказываются ненужными и неистинными логические конструкции, называемые знанием, представляя собой «псевдознание»), тем больше сил и времени он может посвятить свободному самовыражению.

Самовыражение по Торо — высшая потребность человека, цель его освобождения. Подобно Марксу, Торо связывает свободу с потребностями: для достижений большей свободы потребности, в первую очередь материальные, должны уменьшаться. Подобно Ницше, Торо находит индивидуалистическое разрешение вопроса об обретении человеком свободы. В отличие от обоих, Торо продемонстрировал пример более успешного практически варианта личного освобождения, во всяком случае, менее опасного для окружающих. В «Экономическо-философских рукописях» (1844) Маркс постулировал, что базисным для всякого отчуждения является экономическое отчуждение, или отчужденный труд, а в 1845–1847 годах Торо доказал возможность цивилизованного существования человека без отчуждения труда, демонстрируя альтернативные возможности мироустройства.

Маркс применил к познанию истории научный подход. Продукты материальной деятельности людей есть объективная реальность. В силу своей телесной организации человек вынужден трудиться, чтобы иметь возможность жить, и для этого ему необходимы орудия труда. Все это действительные предпосылки, и они могут быть эмпирически доказаны.

Логика Маркса проста и вполне соответствует научному подходу: поскольку все эти предметы существуют, они и должны были существовать. Их существование было вызвано действием объективных законов. Орудия труда существуют объективно, поэтому и потребность в их существовании тоже должна быть объективна и не зависит от конкретного индивида. Поэтому Маркс утверждает, что в процессе человеческой жизнедеятельности (воспроизводства рода и материального производства) происходит развитие потребностей.

Не критикуя теорию Маркса как таковую, но лишь припоминая те ее аспекты, которые полезны для осмысления позиции Торо (как мы видели, трансценденталисты в целом находились под сильным влиянием социалистических идей), отметим, что материальные потребности вообще являются основополагающей стороной человеческой деятельности, рассмотрение которой составляет основной вопрос теоретических размышлений, в то время как Торо рассматривает в качестве объекта осмысления человека «в целом».

Историческое развитие по Марксу представляет собой «порождение этих потребностей, равно как и их удовлетворение». Маркс в первую очередь имел в виду естественные потребности, необходимость которых очевидна в смысле необходимости для сохранения человека как вида.

Если истинно материальные — т. е. естественные, потребности могут быть удовлетворены только материальными предметами, то так называемые материальные потребности порождаются и удовлетворяются большей частью в человеческом сознании, представляют собой привычку к определенному способу удовлетворения естественных потребностей, являются заблуждениями, идеями, традициями, передаваемыми из поколения в поколение.

Достоинство и достояние марксизма в том, что, заложив в основание теории довольно произвольную предпосылку развития материальных потребностей индивида, Маркс построил совершенную теорию мироустройства, которое достижимо и при рассмотрении в качестве базовых иных исходных посылок. Разночтения в понимании потребностей между Марксом и Торо помогут максимально уяснить разницу мировоззренческих подходов мыслителей.

Торо не ставит цели объяснить историю, его не интересуют законы развития общества. Изучая конкретного человека с конкретными проблемами в определенном окружении (среде), Торо рассматривает вполне конкретного индивида во вполне конкретной среде на собственном примере:

Я бы не говорил так много о себе, если бы знал кого-либо другого также хорошо, как знаю себя: недостаток опыта, к сожалению, ограничивает меня этой темой.

Торо, подобно экзистенциалистам, рассматривает человека в целостности, социальное положение и внутренний мир одновременно, и пытается понять, в чем состоит его жизнь. Стремление к свободе Торо признает основополагающим жизненным мотивом, и средствам ее достижения посвящает свои изыскания.

Проблема несвободы, по мнению Торо, может состоять в том, что люди решают не те проблемы, которые нужно. Поэтому исходная задача состоит в выделении среди прочих тех задач, которые решать необходимо. Прежде, чем освободить человека, считает Торо, нужно понять, в чем, собственно, состоит его жизнь и от чего его необходимо освободить, каких целей необходимо достигнуть. Торо, как и Маркс, считает, что жизнь человека состоит из усилий, направленных на удовлетворение потребностей: задачи, которые мы решаем в каждый момент времени, как раз и связаны с удовлетворением потребностей. Проблема обретения свободы может быть решена двояко: созданием общества, способного удовлетворить потребности всех, либо воспитанием потребностей, в удовлетворении которых не может помешать другой человек. Торо начинает рассуждения с определения необходимых потребностей:

Дело в том, что есть вещи, которые составляют предмет первой необходимости только в некоторых кругах, вдругих они являются лишь предметом роскоши, а третьим и вовсе неизвестны.

Под жизненными потребностями я понимаю то из добываемого человеком, что всегда было или давно стало столь важным для жизни, что почти никто не пытается без этого обойтись, будь то по невежеству, по бедности или из философского принципа. Для человека в нашем климате первичные потребности включают Пищу, Кров, Одежду и Топливо; пока это не обеспечено, мы не способны свободно и успешно решать подлинные жизненные проблемы.

В отличие от Маркса Торо дает определение именно необходимых потребностей, тех материальных предметов, без которых человек не способен обойтись независимо от материального положения, уровня доходов или образованности, в то время как Маркс говорит о материальных потребностях вообще, придавая им необходимый характер.

Совершив предложенное Торо разграничение потребностей, несложно прийти к выводу, что собственно потребности (необходимые потребности) человека не закабаляют, его поработывает система их удовлетворения, которая не может быть построена, не может функционировать без непрерывной генерации новых потребностей, оказывающихся наделе «псевдопотребностями». Человек «решает проблему по формуле более сложной, чем сама проблема».

Поэтому, если потребности сведены к естественным, нет необходимости в сложностях общественного регулирования: вместо того, чтобы снимать лачугу за 30 долларов в год, решает Торо, лучше построить за 28 долларов крепкий небольшой дом; вместо того, чтобы покупать продукты, легче добыть их самому. В течение двух лет, прожитых в режиме самообеспечения, Торо имеет много времени на книги, общение и размышления. Надо сказать, что в лице некоторых российских дачников Торо таки приобрел своих последователей. Правда, немногие из них догадываются, что идея о том, что иногда полезно просто «отключиться» от такого государства, которое не выполняет своей задачи — обеспечения гражданина необходимым с тем, чтобы более эффективно функционировать в качестве духовного организма, — имеет столь глубокие философские корни и «академическую» традицию.

Следовательно, обрести свободу возможно, сменив образ жизни. Люди в большинстве своем либо не знают о такой возможности, либо не хотят поступить соответствующим образом.

Материальные потребности различного рода («в более обильной и жирной пище, в большем или более роскошном доме, в более разнообразной и красивой одежде, в более жарком и непрестанном огне в очаге или в нескольких очагах») вообще необходимы. Эту необходимость Торо не оспаривает, но пытается выяснить, что порождает эти потребности, определить, насколько существенны они для человека.

Торо приходит к выводу, что большинство этих потребностей не являются собственно потребностями: человек имеет их только потому, что все считают нужным иметь их: «Сейчас все так носят» (об одежде), «Потому что все так думают» (как ответ на вопрос «Почему вы думаете так или иначе»). Кто все?

Или, спрашивает Торо, существует «кто-то не любой», который навязывает свое мнение «всем любым», то есть остальным? Нет, — отвечает философ, — существует более простое

объяснение: каждый из нас, составляющих «все», не желает мыслить. Обычный человек ленится иметь собственные мысли, считая более естественным приспособлять к своей жизни и «присваивать» себе «общепризнанные» истины. Каждый конкретный человек имеет в той или иной степени развитый ум, при помощи которого дополняет имеющиеся предрассудки. Однако это не означает разумного применения ума, поскольку разумно пользоваться в приложении собственного ума собственными мыслями, а не общественным мнением, как это чаще всего происходит.

Большинство людей, видимо, никогда не задумывается над тем, что такое дом, и всю жизнь терпит ненужные лишения потому, что считает обязательным иметь такой же дом, как у соседа. Так же и с одеждой.

Моды создаются праздными богачами, а толпа прилежно им следует. Мне кажется, что на железной дороге мы тратим на роскошь больше, чем на безопасность и удобства...

Самая простота и обнаженность жизни первобытного человека имела хотя бы то преимущество, что он был лишь гостем природы... А сейчас, увы! люди стали орудиями своих орудий. Человек, срывавший плоды, чтобы утолить голод, стал фермером, а тот, кто укрывался под сенью дерева, — домовладельцем. Мы сейчас не останавливаемся на ночлег, мы осели на земле и позабыли о небе. Мы восприняли христианство лишь как улучшенное землеустройство. На этом свете мы выстроили себе фамильный особняк, а для того света — фамильный склеп. Лучшие произведения искусства стремятся выразить борьбу человека против этого рабства, но воздействие искусства сводится к украшению нашей низкой доли и заставляет забывать о высшей.

Любой человек, принимая то или иное конкретное решение, опирается на некоторые жизненные аксиомы. Некоторые руководствуются только аксиомами — в этом случае говорят об отсутствии нравственного выбора. Показателем участия в принятии решения собственных мыслей является теоретизирование, т. е. построение теорем. Чем более серьезно человек относится к жизни, тем с более глубоких оснований он начинает теоретические рассуждения для принятия решения. Серьезное рассмотрение проблемы возникновения материальных потребностей, по мнению Торо, приводит к выводу о несостоятельности самого понятия «материальных потребностей» как продукта несуществующего «общественного мнения», в угоду которому человек организует сам себе в жизни каторгу в виде непомерного труда, может пойти на преступление, изменить моральным принципам и т. д.

Мы слишком торопимся жить. Один стежок вовремя стоит девяти, говорят люди, и вот они делают тысячу стежков сегодня, чтобы завтра им не пришлось делать девяти... Большинство людей, даже в нашей относительно свободной стране, по ошибке или просто по невежеству так поглощены выдуманными и лишними тяжкими трудами, что не могут собирать самых лучших плодов жизни. Для этого их пальцы слишком загрубели и слишком дрожат от непосильного труда.

Что делать? Торо считает, что никогда не поздно одуматься.

Нельзя принимать на веру, без доказательств никакой образ мыслей или действий, как бы древен он ни был. То, что сегодня повторяет каждый или с чем он молча соглашается, завтра может оказаться дымом мнений. Иначе нельзя, говорим мы, а между тем способов жить существует столько же, сколько можно провести радиусов из одного центра.

Освободившись от псевдоматериальных потребностей, человек неизбежно отвергнет наиболее распространенный образ жизни, состоящий в удовлетворении «материальных» потребностей, и, освободившись от черной работы, он сможет, наконец, «отважиться жить».

Что значит «жить», каждый человек может решить только самостоятельно. По мнению Торо, большинство людей «спит». Считая, что их кто-то должен разбудить, люди не знают, что делать, проснувшись (возможно, так и нерешенная до сих пор, но именно так сформулированная американским философом необходимость Просвещения (кантовского Aufkdaerung) как преодоления несовершеннолетия общества).

Бодрствовать — значит жить. Неважно, что показывают часы и что говорят и делают люди. Когда я бодрствую и во мне брезжит свет — тогда и утро. Надо научиться просыпаться и бодрствовать: для этого не нужны искусственные средства, а постоянное ожидание рассвета, которое не должно покидать нас в самом глубоком сне. Долг каждого человека — сделать свою жизнь достойной тех стремлений, какие пробуждаются в нем в лучшие ее часы.

Итак, переосмысление привычного как нам, так и современникам Торо понимания «материальных» потребностей является исходным пунктом, первым шагом для обретения индивидуальной свободы, условия самореализации. Торо, как и Маркс, признает, что основной двигатель действий, совершаемых большинством людей — стремление к материальному благополучию. В отличие от Маркса, полагающего, что это стремление является объективным свойством человека, Торо считает его предрассудком, требующим преодоления. Таким образом, в отличие от Маркса, Торо предлагает (теоретически обосновывает и на личном примере демонстрирует) путь освобождения, альтернативный построению какого-либо отличного от имеющегося «более справедливого» общества, путь, с меньшей вероятностью требующий революций и вообще социальных потрясений.

Торо понимает «идеальность» своего проекта и не призывает большинство граждан следовать его примеру, не реальному и не нужному для практической реализации большинства людей. Не стоит по стопам Торо начинать точить топор, чтобы ехать немедленно в тайгу и вести первобытно благородную жизнь. Но, уменьшив, пересмотрев собственные потребности, перевоспитав себя так, чтобы ванна с душем никак не влияла на принятие жизненных решений, — единственно верный путь оздоровления и общества в целом, и каждого его члена в отдельности.

Торо как ученый поставил максимально чистый эксперимент. Он практически опроверг теорию Маркса о том, что если бы не было закона развития производства, то все вернулось бы к крайней нужде и снова началась борьба за необходимое, доказал, что проблема жизнеобеспечения не настолько сложна, как кажется. Кроме того, оказалось, что и затраты времени на пропитание очень малы (во всяком случае в североамериканской

действительности середины XIX века).

Если утверждать, что цивилизация действительно улучшает условия жизни, тогда надо сказать, что она улучшает жилища, не повысив их стоимости, а стоимость вещи я измеряю количеством жизненных сил, которые надо отдать за нее — одновременно или постепенно.

Для большинства россиян стоимость двухкомнатной квартиры — долгие годы, вычеркнутые из собственной жизни, годы, заполненные озлобленностью, унижениями, компромиссами, вымогательствами, страхами, бессонницами и т. д. Ради квартиры большинство людей готовы сменить работу, коллектив, принципы, некоторые способны даже на убийство. Приобретая «цивилизованное» жилье, многие теряют не только физическое здоровье, но и нравственное. Слишком высока цена жилища в «цивилизованном» мире, если из-за него человек должен падать столь низко.

Вся архитектурная красота, какую я сейчас вижу, постепенно выросла изнутри, из нужд и характера обитателей, которые одни только и являются подлинными строителями. Наиболее интересными по архитектуре строениями в нашей стране, как известно художникам, являются скромные и непритязательные бревенчатые хижины бедняков; именно жизнь их обитателей, которым они служат скорлупой, а не одни лишь внешние особенности, делают их живописными.

Я не собираюсь диктовать правила сильным и мужественным натурам, которые сами знают свое дело, не намерен я поучать и тех, кто восхищается и вдохновляется именно нынешним порядком вещей, я не обращаюсь и к тем, кто убежден, что живет правильно, кто бы они ни были — им лучше знать, так ли это; я обращаюсь главным образом к массе недовольных, напрасно сетующих на жестокую участь или времена, вместо того, чтобы улучшить их.

Тот, кто едет один, может выехать хоть сегодня, а тот, кто берет с собой спутника, должен ждать, пока он будет готов, и они еще не скоро пустятся в путь!

Торо осознал, что люди перестают видеть и слышать друг друга. Он никогда не ценил этой самой «роскоши общения» и считал, что общаться люди должны с природой, в мире тишины, где как раз человек отсутствует. Люди перестали быть творцами и актерами, сделавшись лишь зрителями какой-то чужой, суррогатной жизни.

Возобновление интереса к Торо в наши дни объяснимо. Телевидение становится родом наркомании. Люди перестают жить своей жизнью, думать о своих проблемах, стремиться друг к другу. Торо считает, что нет ничего сложнее, недостижимей, чем искусство меры.

Большая часть роскоши и многое из так называемого комфорта не только не нужны, но положительно мешают прогрессу человечества. Мудрецы всегда жили проще и скуднее, чем бедняки. Никто не был так беден земными благами итак богат духовно, как древние философы. Мы немного о них знаем. Но удивительно, что мы вообще о них знаем. То же можно сказать и о реформаторах и благодетелях человечества, живших в более поздние времена. Нельзя быть мудрым наблюдателем человеческой жизни, кроме как с позиций добровольной бедности.

Живя в роскоши, ничего не создашь, кроме предметов роскоши: в сельском хозяйстве, торговле, литературе или искусстве. У нас сейчас есть профессора философии, но философов нет. Но и учить хорошо, потому что некогда учили на собственном примере. Быть философом — значит не только тонко мыслить или даже основать школу; для этого надо так любить мудрость, чтобы жить по ее велениям — в простоте, независимости, великодушии и вере. Это значит решать некоторые жизненные проблемы не только теоретически, но и практически...

Интересно, насколько люди сохранили бы свое общественное положение, если бы снять с них одежду. Сумели бы вы в этом случае выбрать из группы цивилизованных людей тех, кто принадлежит к высшим классам?

Даже в городах нашей демократической Новой Англии случайно приобретенное богатство и его внешние атрибуты — наряды и экипажи — обеспечивают их владельцу практически всеобщее уважение. Но те, кто воздаст богачу такое уважение, как бы их ни было много, в сущности — дикари, и к ним следует послать миссионера.

А когда фермер становится владельцем дома, он может оказаться не богаче, а беднее, потому что дом завладевает им. Я, по крайней мере, знаю несколько здешних семей, которые много лет мечтают продать свои дома на окраине и перебраться в поселок, но так и не смогли осуществить это, и освободит их только смерть.

Допустим даже, что большинству удастся, наконец, приобрести или снять современный дом со всеми удобствами. Но цивилизация, улучшая наши дома, не улучшила людей, которым предстоит там жить. Она создала дворцы, но создать благородных рыцарей и королей оказалось труднее. А если стремления цивилизованного человека не выше, чем у дикаря, и если большую часть жизни он тратит на удовлетворение первичных, низменных потребностей, почему жилище его должно быть лучше?

Ну, а как обстоит с несчастным меньшинством? Оказывается, что чем больше некоторые возвысились над дикарями в отношении внешних условий жизни, тем больше принижены другие по сравнению с ними. Ошибочно думать, что если в стране существуют обычные признаки цивилизации, то в ней не может быть огромных масс людей, низведенных до уровня дикарей.

Да, не мешает приглядеться к жизни того класса, чьим трудом осуществляются все достижения нашего века.

2.2. Частный случай обретения свободы

Внешне спокойное, лишенное ярких событий существование Торо в провинциальном городе скрывает постоянное, ни на минуту не прекращающееся в сознании философа самозабвенное конструирование собственной Вселенной, наполненной поклонением девственной природе, верой в будущность подлинно духовных отношений между людьми. «Уолден» — своего рода художественная исповедь Торо.

В том, что человек сам строит свое жилище, есть глубокий смысл, как и в том, что птица строит свое гнездо. Как знать, быть может, если бы люди строили себе дома своими руками и честно и просто добывали пищу себе и детям, поэтический дар стал бы всеобщим; ведь поют же все птицы за этим занятием.

4 июля празднуется День независимости США. Это дата начала отшельничества писателя. Будучи далеким от официозности, философ решил отметить праздник по-своему, провозгласив свою полную независимость от внешнего мира. В отличие от Эмерсона, обычно сопровождавшего поступки, исходящие из принципа «доверия к себе», морализаторскими рассуждениями, Торо предельно простым языком объясняет смысл своего предприятия:

Я ушел в лес потому, что хотел жить разумно, иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни и попробовать чему-то от нее научиться, чтобы не оказалось перед смертью, что я вовсе и не жил. Я не хотел жить поделками вместо жизни — она слишком драгоценна для этого; не хотел я и самоотречения, если в нем не будет крайней необходимости. Я хотел погрузиться в самую суть жизни и добраться до ее сердцевины, хотел жить со спартанской простотой, изгнав из жизни все, что не является настоящей жизнью, сделав в ней широкий прокос...

На своем двухлетнем опыте я убедился, что добыть необходимое пропитание удивительно легко, даже в наших широтах; что человек может питаться так же просто, как животные, и при этом сохранить здоровье и силу. Чего еще желать разумному человеку в мирное время и в будние дни, кроме хорошей порции кукурузы, сваренной с солью?.. А люди дошли до того, что умирают не от недостатка необходимого, а от потребности в излишествах: я знаю женщину, которая убеждена, что сын ее скончался от того, что стал пить одну воду.

Я ни в коем случае не хочу, чтобы кто-либо следовал моему примеру; во-первых, пока он этому научится, я, может быть, подыщу себе что-нибудь другое, а во-вторых, мне хотелось бы, чтобы на свете было как можно больше различных людей и чтобы каждый старался найти свой собственный путь и идти по нему, а не по пути отца, матери или соседа.

Автор представляет читателям свой опыт как практическую задачу. Как прожить бедному литератору и естествоиспытателю так, чтобы заботы о пропитании не отнимали у него все время и энергию? Детально подсчитывая доходы и расходы, Торо доказывает, что его уединение было безубыточным. Деньги, потраченные на обзаведение жильем, он вернул, продав урожай, и сверх того сумел прокормить сам себя, не прибегая к займу. Но главное — два года он был «единственным свободным и счастливым человеком во всем Конкорде», в то время как остальные томились в неволе, безразлично — сознавали они это или же нет.

Торо задает новые образцы для современной культуры. Образцом для подражания стал не только его стиль или образ мышления, но и сам способ жизни, отношение к повседневности.

Творения великих поэтов еще не прочитаны человечеством — читать их умеют лишь великие поэты. Массы читают их так же, как они читают по звездам, в лучшем случае, как астрологи, но не астрономы. Большинство людей научаются читать лишь для удобства, как учатся считать ради записи расходов и чтобы их не обсчитали. Но о чтении как благородном

духовном упражнении они почти не имеют понятия, но лишь это и есть чтение в высоком смысле слова.

Каждый человек не просто в состоянии, но обязан пересмотреть свой образ жизни, осознав всю ненормальность привычной повседневной жизни в погоне за достатком. Этот пересмотр начинается с очень несложных, но абсолютно необходимых шагов, подготовительных этапов нравственного самосовершенствования. Нравственное самосовершенствование невозможно, однако, без «самоуединения», «самососредоточенности».

Нравственное совершенствование — это попытка стряхнуть сон. Почему людям так трудно дать отчет в делах своих и днях, как не потому, что они дремлют? Не так уже они слабы в счете. Если бы их не одолевала дремота, они бы успевали что-нибудь свершить. Для физического труда бодрствуют миллионы; только один человек на миллион бодрствует для плодотворного умственного усилия и только один на сто миллионов — для божественной жизни, или поэзии. Бодрствовать — значит жить. Я еще не встречал человека, который вполне проснулся бы. А если бы встретил, как бы я взглянул ему в глаза?

Надо научиться просыпаться и бодрствовать; для этого нужны не искусственные средства, а такое постоянное ожидание рассвета, которое не должно покидать даже в самом глубоком сне. Больше всего надежд вселяет безусловная способность человека возвыситься благодаря сознательному усилию.

Однако мы живем жалкой, муравьиной жизнью; совершаем ошибку за ошибкой, кладем заплату на заплату и даже высшую добродетель проявляем по поводу необязательных и легкоустрашимых несчастий. Мы растрачиваем нашу жизнь на мелочи.

Сведите свои дела к двум-трем, а не сотням и тысячам; в место миллиона считайте до полдюжины и умещайте все счета на ладони... Упрощайте же, упрощайте. Вместо трех раз в день, если нужно, питайтесь только один раз, вместо ста различных блюд довольствуйтесь пятью и соответственно сократите все остальное.

Мы слишком торопимся жить. Люди убеждены, что Нация непременно должна вести торговлю, вывозить лед, сноситься по телеграфу и передвигаться со скоростью тридцати миль в час, не задумываясь, всем ли это доступно; а надо ли людям жить подлинно человеческой, а не обезьяньей жизнью — это еще не решено.

К чему жить в такой спешке и так бессмысленно растрачивать жизнь? Мы решили умереть с голоду, не успев проголодаться... Подлинно важной работы мы не совершаем. Мы просто одержимы пляской святого Витта и не можем находиться в покое.

Стоит человеку вздремнуть после обеда, как он уже подымает голову и спрашивает: «Что нового?» точно человечество в это время стояло на часах. Для философа все так называемые новости — не что иное, как сплетни, а те, кто их издает и читает — старые кумушки за чашкой чая. А между тем многие ждут этих сплетен с жадностью.

Проведем хоть один день так же неторопливо, как Природа, не сбиваясь с пути из-за каждой скорлупки или комариного крылышка, попавшего на рельсы. Встанем рано и будем

поститься или вкусим пищи, но только с кротостью и без смятения; пусть приходят к нам люди и уходят, пусть звонит колокол и плачут дети, — мы проведем этот день по-своему. Зачем покоряться и плыть по течению? Главное — не опрокинуться на опасном пороге и водовороте, именуемом обедом, который подстерегает нас на полуденном мелководье.

Крепко возьмемся за работу и постараемся нащупать твердый, местами каменистый грунт, который мы можем назвать реальностью и сказать: вот это есть и сомнений тут быть не может.

На берегу Уолденского пруда Торо ведет жизнь простую и открытую для друзей и бессловесных соседей — обитателей леса.

Мой образ жизни давал мне хотя бы то преимущество над всеми, кто вынужден искать развлечений вовне — в обществе или в театре, что для меня развлечением стала сама жизнь, а она никогда не теряла новизны. Это было многоактное, нескончаемое представление. Если бы мы всегда зарабатывали на жизнь и устраивали ее самым лучшим способом, какой нам известен, мы никогда не знали бы скуки. Следуй влечению своего доброго гения, и он ежечасно будет открывать тебе что-нибудь новое.

Торо возвращает нас к самим истокам отношения к природе — первобытным ощущениям, умению слушать и видеть происходящее вокруг, и в этом напряженном внимании-соединении с сущим Торо не отделяет от него человека, но переживает, как душа переключает свое внимание с беспредельного внешнего мира на свои глубины.

Я вижу, что мы, жители Новой Англии, живем настолько жалкой жизнью потому, что взор наш не проникает глубже поверхности вещей. Кажущееся мы считаем за существующее.

Дело в том, что воображение, если дать ему хоть малейшую волю, ныряет глубже и взлетает выше границ Природы. Глубина океана, вероятно, окажется очень незначительной в сравнении с его площадью.

Никакой научный метод не заменяет необходимости постоянного внимания к жизни. Разве курс истории, или философии, или поэзии, пусть самой избранной, или самое лучшее общество, или самый налаженный обиход могут сравниться с умением видеть все, что показывает нам жизнь? Что ты хотел бы — только читать, быть читателем, или видеть, то есть быть провидцем. Прочти свою судьбу, знай, что лежит перед тобой и шагай в будущее.

Такую же живую глубину мысли Торо находит в природе. Несмотря на категориально развитое мышление американского романтика, его труд напоминает усилия первобытных земледельцев, в мифологическом трепете приносящих свои молитвы земле, озеру, Природе: «я заставлял желтую почву выражать свои летние думы бобовыми листьями и цветами, а не полынью, пыреем или бором; я требовал, чтобы земля сказала «бобы» вместо «травы», — это и был мой дневной труд»; «вот он Уолден, то самое лесное озеро, которое я открыл столько лет назад; вместо леса, срубленного прошлой зимой, на берегу его подрастает новый, столь же полный соков и сил, и та же мысль подымается со дна его на поверхность, что и тогда».

Но в отличие от общинного человека, который удовольствовался бы только этой эстафетой, только таким пониманием окружающего его внешнего мира, философ и натуралист Генри Дэвид Торо рефлексивует свое незнание природы, а следом и принадлежность к другому, общечеловеческому, культурному целому.

Уолденское затворничество Торо — одиночество, или умение оставаться наедине с самим собой, которое, подобно производственным отношениям, формировалось на протяжении многих лет развития европейской цивилизации. Торо превозносит свое одиночество как естественную форму общения индивидуума с окружающим миром.

Когда я гуляю по лесу, над ландшафтом моего ума, возможно, промелькнет тень от крыльев какой-то мысли, и я понимаю, как мало событий в нашей жизни. Что значат все эти войны и слухи о войнах, современные открытия и так называемые улучшения? Просто раздражение на коже. Но эта тень, которая так быстро исчезает и чью суть так трудно уловить, наводит на мысль о том, что есть важные события, промежутки между которыми — для нас настоящая историческая эпоха.

Яне более одинок, чем гагара, громко хохочущая на пруду, или сам Уолденский пруд... Яне более одинок, чем одиноко растущий коровяк или луговой одуванчик, или ил исток гороха, или щавель, или слепень, или шмель. Яне более одинок, чем мельничный ручей или флюгер, или Полярная звезда, или южный ветер, или апрельский дождь, или январская капля, или первый паук в новом доме... Отчего бы мне чувствовать себя одиноким? Разве наша планета не находится на Млечном Пути?

Свое уединение Торо описывает как блаженное состояние освобождения от порочной цивилизации.

Бывало, что я не мог пожертвовать прелестью мгновения ради какой бы то ни было работы — умственной или физической. Иногда я с восхода до полудня просиживал у своего залитого солнцем порога, среди сосен, орешника и сумаха, в блаженной задумчивости, в ничем не нарушаемом одиночестве и тишине, а птицы пели вокруг или бесшумно пролетали через мою хижину, пока солнце, заглянув в западное окно, или отдаленный стук колес на дороге не напоминали мне, сколько прошло времени. Не сомневаюсь, что моим согражданам это показалось бы полной праздностью, но, если бы меня судили цветы или птицы со своей точки зрения, меня не в чем было бы упрекнуть.

Город для Торо — грязный притон, в лучшем случае нелепое порождение современной цивилизации, деформирующий, «извращающий» подлинную человеческую сущность, естественную природу человека.

Куда бы ни отправился человек, люди гонятся за ним и стараются навязать ему свои гнусные порядки и принудить его вступить в их мрачное и нелепое сообщество. Правда, я мог бы сопротивляться с большим или меньшим успехом; мог бы свирепствовать, точно одержимый «амоком»; но я предпочел, чтоб свирепость проявил не я, а общество — ведь это оно доведено до крайности.

В наше время хозяин не допускает вас к своему очагу; он заказывает печнику особый очаг для вас, где-нибудь в проходе, и гостеприимство состоит в том, чтобы держать вас на расстоянии. Кухня облечена такой тайной, словно он намерен вас отравить,

В наш век печей мы скоро позабудем, что некогда пекли картофель в золе, как индейцы. Плита не только заняла место и наполнила дом запахами — она скрыла огонь, и я почувствовал, что потерял друга. В огне всегда можно увидеть чье-то лицо. Глядя в него по вечерам, земледелец очищает мысли от скверны, от пошлости, накопившейся за день.

В наших гостиных сам язык теряет свою силу и вырождается в бессмысленную болтовню — настолько далека наша жизнь от его основ и так холодны метафоры и тропы, которые успевают остыть, пока доставляются на подъемниках: иначе говоря, гостиная бесконечно далека от кухни и мастерской.

Идеализация отшельничества на лоне природы и критика всех форм человеческого общежития отражают индивидуализм Торо, но не являются его программным лозунгом. Чересчур доступному людскому обществу Торо предпочитает одиночество: общество утомляет и отвлекает его от серьезных дум. Он предпочитает оставаться один. Ни с кем так не приятно общаться, как с одиночеством.

Мы часто бываем более одинокими среди людей, чем в тишине своих комнат. Когда человек думает или работает, он всегда наедине с собой, где бы он ни был. Одиночество не измеряется милями, которые отделяют человека от его ближних. Истинно прилежный студент так же одинок в шумном улье Кембридж-колледжа, как дервиш в пустыне.

Умение оставаться одному наедине со своими мыслями является следствием достижения человеком определенного культурного и духовного уровня. В качестве примера Генри Торо описывает фермера, который целый день проработал в поле или в лесу один, но не почувствовал одиночества, потому что нашел чем занять себя, «а вернувшись вечером домой, он не может оставаться наедине со своими мыслями, и ему хочется побыть «на людях», вознаградив себя за дневное одиночество. Поэтому он удивляется ученому, который способен просидеть один в доме всю ночь и большую часть дня, не боясь скуки и хандры: он не понимает, что ученый, запершись в доме, обрабатывает в это время свое поле или валит деревья

в своем лесу, как фермер в своем, а потом также ищет развлечений и общества, как и тот, хотя, может быть, и в более концентрированной форме.

Для людей, которые не умеют оставаться наедине с самими собой, Торо не находит ничего лучшего, кроме пожелания-совета работать еще больше:

Бывают люди «трудолюбивые», по-видимому, любящие труд ради него самого, а может быть, потому, что он не дает им впасть в худший соблазн, — этим мне сейчас нечего сказать. Тем, кто не знает, куда девать больший досуг, чем они имеют сей час, я советую работать вдвое больше — пока они не выкупят себя на волю.

Жизнь Г. Д. Торо на берегу Уолденского пруда — образец сознательной жизни, неотъемлемой составляющей которой была философская рефлексия. Торо старательно избегает жизни в мире имитаций и, замыкаясь, казалось бы, на своем личном, индивидуальном бытии, «выходит из себя» на бытие универсальное, общечеловеческое. Рефлексивно суммируя содержание этих и других, не описанных нами эстафет (к примеру, эстафет природоведения и наблюдения), «волн жизни», Торо сумел сосредоточиться и выявить саму волну, событие — закон радостного и плодотворного усилия.

Мышление помогает нам «выйти из себя», но не в обычном смысле слова. Сознательным умственным усилием мы можем отстраниться от действий и их последствий, и тогда все хорошее и плохое пройдет мимо нас, как поток. В очень общем, но подлинном значении усилие — уже есть дело само по себе.

Уединившись, «нащупав» в себе себя, человек может читать, воспринимать звуки, окружающую природу, с каждым днем все глубже и глубже проникая в суть сокровенного знания. Но даже одно из самых, казалось бы, простых, занятий — чтение, далеко не так просто, как кажется:

Ученый может читать Гомера или Эсхила на греческом языке и не опасаться упрека в роскошной праздности, поскольку, читая, он как бы подражает их героям и посвящает их страницам утренние часы. Язык этих героических книг, пусть бы и изданных в переводе на наш, всегда будет для нашего времени упадком языком мертвым, и мы вынуждены старательно разгадывать каждое слово и строку, вкладывая в них более широкий смысл, чем общепринятый, и обращаясь для этого ко всей мудрости, доблести и великодушию, какими обладаем.

Хорошее чтение — чтение действительно хороших книг в требуемом духе — благородное дело, требующее от человека больших усилий, чем любое из принятых сейчас занятий. Для него нужна такая же подготовка, какую проходили атлеты, всецело посвящавшие себя своей цели. Книги надо читать так же сосредоточенно и неторопливо, как они писались. Умения говорить на языке, на котором они написаны, еще недостаточно, потому что между языком устным и письменным, языком, который мы слышим, и языком, на котором мы читаем, — расстояние не малое. Первый — недолговечен, это — звук, речь, говор, нечто животное, то, чему мы бессознательно, подобно животным, научаемся от матерей. Второй воплощает зрелость и опыт первого; если первый — язык наших матерей, то второй — язык отцов, тщательно отобранные средства выражения, слишком весомые, чтобы просто ловить их на слух; для овладения ими надо родиться заново. В средние века толпы, умевшие всего лишь говорить по-гречески и по-латыни, не могли, по случайности рождения, читать написанные на этих языках гениальные творения, ибо это был не тот греческий и не та латынь, которые они знали, но утонченный язык литературы. Этот благородный язык Греции и Рима был им не знаком, самые рукописи были для них негодным хламом, и они предпочитали им дешевую современную литературу. Но когда у народов Европы появилась своя, хотя бы еще грубая, письменность, но соответствовавшая потребностям их литератур, тогда возродилась и ученость, и из глубины веков ученым стали видны сокровища древней культуры. То, чего не могла слышать уличная толпа Рима и Греции и, после многих столетий смогли прочесть несколько ученых, и лишь ученые читают это поныне.

Те, кто не научился читать древних классиков на языке оригинала, обладают весьма несовершенными познаниями в истории человечества, потому что настоящий перевод их не осуществлен еще ни на один из современных языков, если только не считать таким переводом саму нашу цивилизацию.

Я полагаю, что, научившись читать, мы должны читать лучшее, что есть в литературе, а не повторять без конца ее азы.

Лучшие книги не читаются даже теми, кого считают хорошими читателями. За очень немногими исключениями, наш город не обнаруживает вкуса к лучшим произведениям, хотя бы даже английской литературы, доступной всем.

Не все книги так бестолковы, как их читатели. Для многих людей новая эра в их жизни началась с прочтения той или иной книги.

Духовное усилие приводит к чудодейственному пробуждению человека, обновляет его самого, делает значимым его жизнь. Это усилие требует для осуществления пробуждения всех физических и духовных возможностей, но точкой опоры становится человеческая душа:

По правилу двух диаметров мы не только находим солнце в нашей планетной системе и сердце в человеческом теле проведем линии наибольшей длины и наибольшей ширины через всю массу повседневных дел человека и через волны жизни, захватив также его бухты и фиорды, и на месте их пересечения вы найдете вершину или глубину его души.

Для Торо глубина, средоточие человеческой души — это точка пересечения наиболее выдающихся дел человека (по всей видимости, линия наибольшей ширины) и волн жизни (линия наибольшей длины), захватывая также «бухты и фиорды», о которые эти волны разбиваются. Природа близка человеку, она — праматерь, но в то же время она остается не более, чем «старой дамой» по соседству. Самое близкое человеку, по мнению Торо, — великие законы, заданные ему отнюдь не матушкой-Природой, ко «влиянием незримых сил Неба и Земли».

Мы в основном придаем значение только внешним и преходящим обстоятельствам. Вот в чем причина нашей растерянности. Ближе всего ко всему сущему находится та сила, которая его созидает. Ближе всего к нам постоянно свершаются самые великие законы. Ближе всего к нам стоит не работник, которого мы наняли и с которым так любим беседовать, а тот работник, который создал нас самих.

Человек рассматривается Г. Торо как центр, средоточие мира, остров посреди «волн жизни». Чтобы быть и оставаться центром подлинной жизни, необходимо постоянно отстаивать свое положение. Эта необходимость требует от человека отрешенности от повседневных дел, отдаления «мира повседневного» на соответствующее удаленное расстояние от своего мира, даже если этот мир — место, где разворачивается

его собственная мыслительная и вещественная деятельность. Этот центр мира может быть, как у Торо, всего лишь «бобовым полем».

«Работник, который создал нас самих», действительно, всегда рядом с нами. Более того, он в нас самих, он определяет и «вылепливает» нашу чувственность и ментальность, в которых человек ощущает жизнь. В такого рода абстракциях высших сил и законов Генри Торо прячет, «скрывает» свою человеческую событийность, свою принадлежность процессу всеобщей взаимодействия и взаимозависимости людей.

Хорошо, если (человек — ред.) способен написать картину или изваять статую, то есть создать несколько прекрасных вещей, но как благороднее выглядит задача быть в моральном отношении скульптором, творцом всей окружающей среды. Сделать прекраснее наш день — это высшее из искусств. Долг каждого человека — сделать свою жизнь во всем, вплоть до мелочей, достойной тех стремлений, которые пробуждаются в нем в лучшие ее часы.

Одиночество, способствующее сосредоточению, обретению способности «нового взгляда» на окружающих, вскоре приводит к овладению навыками глубокого понимания сущности человеческой природы:

Приходили полоумные из богадельни и других мест; но этих я старался заставить открыться мне и выказать весь ум, какой у них был; я заводил разговор именно об уме и бывал вознагражден. Я обнаружил, что некоторые из них разумнее, чем так называемые надзиратели над бедными и члены городской управы, и что им пора было бы поменяться местами. Оказалось, что между полоумными и умными разница не столь уж велика.

Однажды, например, ко мне пришел один безобидный и простодушный бедняк, которого я часто встречал в полях, где он, стоя или сидя на корзине, служил живой загородкой, чтобы скот — да и он сам — не забрели куда не следует; он выразил желание жить так, как я. С величайшей простотой и искренностью, возвышенной или, точнее, приниженной по сравнению с тем, что зовется смирением, он сказал мне, что ему «недостает ума». Так он и сказал. Таким его создал бог, но он полагает, что бог любит его не меньше, чем других. «Такой уж я уродился, — сказал он, — и всегда такой был; не то, что другие дети, — слабоумный. Так уж, видно, богу угодно». И вот он сам — живое подтверждение своих слов. Он был для меня философской загадкой. Мне редко встречалась столь благодарная почва для сближения с человеком — так просто, искренне и правдиво было все, что он говорил. Чем смиреннее он был, тем больше это его возвышало. Вначале мне да же показалось, что это было у него обдуманно. На почве правдивости и откровенности, возделанной бедным слабоумным нищим, можно было бы взрастить нечто лучшее в отношениях между людьми, чем удавалось до сих пор мудрецам.

Постижение законов жизни природы, безусловно, помогает понять мир, «схватить понимание в самой сущности» высших законов мироздания, а значит, и законов человеческого общежития.

Виды дикой природы стали удивительно привычными. Я ощущал и ныне ощущаю, как и большинство людей, стремление к высшей или, как ее называют, духовной жизни и одновременно тягу к первобытному, и я что оба эти стремления. Я люблю дикое начало не менее чем нравственное. Мне до сих пор нравится рыбная ловля за присущий ей вольный

дух приключений. Я люблю иногда грубо ухватиться за жизнь и прожить день, как животное. Быть может, рыболовству и охоте я обязан с ранней юности моим близким знакомством с Природой. Они приводят нас в такие места, с которыми в этом возрасте мы иначе не познакомились бы. Рыболовы, охотники, лесорубы и другие, проводя жизнь в полях и лесах, где они как бы составляют часть Природы, лучше могут ее наблюдать в перерывах между работой, чем философы или даже поэты, которые чего-то заранее ждут от нее. Им она не боится показываться...

Нравственное начало пронизывает всю нашу жизнь. Между добродетелью и пороком не бывает даже очень краткого перемирия. Добро — вот единственный надежный вклад. В музыке незримой арфы, поющей над миром, нас восхищает именно эта настойчиво звучащая нота. Арфа убеждает нас страховать в Страховом обществе Вселенной, а все взносы, какие с нас требуются — наши маленькие добродетели. Пусть юноша с годами становится равнодушен; всемирные законы равнодушны; они неизменно на стороне тех, кто ощущает наиболее тонко. Слушай упрек, ясно различимый в каждом дуновении ветра; горе тому, кто неспособен его услышать. Стоит только задеть струну или изменить лад — и гармоническая мораль поразит наш слух. Много назойливого шума на отдалении становится музыкой, отличной сатирой на нашу жалкую жизнь.

Блажен человек, уверенный, что в нем изо дня в день слабеет животное начало и воцаряется божественное. Ноне существует, наверное, никого без постыдной примеси низменного и животного. Боюсь, что мы являемся богами и полубогами только будучи подобными фавнам и сатирам, в которых божество сочеталось со зверем; что мы — рабы своих appetitов, что сама жизнь наша в известном смысле оскверняет нас.

Чувственность едина, хоть и имеет много форм; и чистота тоже едина. Неважно, что делает человек — ест, пьет, совокупляется или наслаждается сном. Все это — appetиты, и достаточно увидеть человека за одним из этих занятий, чтобы узнать, насколько он чувствен. Кто нечист, тот ничего не делает чисто. Если ловить гадину с одного конца ее норы, она высунется из другого. Если хочешь быть целомудренным, будь воздержан веде. Что же такое целомудрие? Как человеку узнать, целомудрен ли он? Этому ему знать не дано. Мы слыхали о такой добродетели, но не знаем, в чем ее суть.

Чтобы достичь чистоты и отдалиться от греха, делай непрестанно, любую работу, пусть то даже чистка конюшни. Победить природу трудно, но победить ее необходимо. Какой смысл в том, что ты христианин, если ты не чище язычника, если ты не превосходишь его воздержанием и набожностью? Я знаю многие религии, считающиеся языческими, но их правила устыдили бы читателей и подали бы им пример, хотя бы в отношении выполнения обрядов.

Все мы — скульпторы и художники, а материалом нам служит собственное тело, кровь и кости. Все благородные помыслы тотчас облагораживают и черты человека, все низкое и чувственное придает им грубость.

Время — всего лишь река, куда я забрасываю свою удочку. Я пью из нее, но в это время вижу ее песчаное дно и убеждаюсь, насколько она мелка. Этот мелкий поток бежит мимо, а

вечность остается. Я хотел бы пить из глубинных источников, я хотел бы закинуть удочку в небо, где дно устлано камешками звезд. А я не умею даже считать до одного. Я не знаю и первой буквы азбуки. Я всегда сожалею, что не так мудр, как в день своего появления на свет. Ум человеческий — острый тесак, он находит путь к сокровенной сути вещей. Я не хочу работать руками больше, чем этого требует необходимость. В моей голове есть и руки и ноги. Я чувствую, что в ней сосредоточены все мои способности. Инстинкт говорит мне, что это орган, предназначенный рыть в глубину, как рыльце и передние лапы некоторых животных; я хотел бы врыться им в эти холмы, здесь-то я и начну копать.

Стремление к добру, ежедневно рождающееся вместе с безмятежным и благотворным дыханием утра, заставляет человека возлюбить добродетель и возненавидеть порок и несколько приближает его к изначальной человеческой природе, — так возникают молодые побеги вокруг срубленных стволов. И, напротив, зло, сотворенное в течение дня, мешает развиваться едва появившимся зачаткам добродетели и уничтожает их.

Если таким образом многократно уничтожать эти ростки, вечерней благодати будет уже недостаточно, чтобы сохранить их. А когда она становится бессильной, природа человека становится ненамного отличной от природы животного. И люди, когда видят, что человек этот уподобился животному, считают, что он никогда и не обладал врожденным разумом. Но так ли должны рассуждать люди?

Вывод из «жизни в лесу» романтика и поэта Г. Д. Торо подчеркивает, прежде всего, важность самого пути: необходимо научиться читать так, чтобы ощущать в себе голос другого человека. Это умение может быть достигнуто через занятие делом, сосредоточение на самой «волне жизни», эстафете философствования, проникновение в колодезь страдания, мир смыслов-событий, «святую реальность». Посредством подобных практик человек становится открыт для тайны.

Змея, живущая у меня внутри, поднимает голову при звуке текущей воды. Когда же это я проглотил ее? Наконец я избавился от змеи, жившей у меня внутри с тех пор, как я однажды выпил застойной воды. Я схватил ее за горло и вытащил, после чего прекрасно провел день. Разве нельзя избавиться от змеи, которую вы проглотили в юности, когда бездумно нагнулись и выпили стоячей воды? С тех пор она мешает вам и во сне и наяву; она завладела жизнью, которая некогда принадлежала вам. Смело хватайте ее за горло и тяните, хоть вам и будет казаться, что хвост ее скрутил ваши жизненно важные органы.

Вечность заключает в себе высокую истину. Но время, место и случай, все это — сейчас и здесь. Само божество выражает себя в настоящем мгновении, и во всей бесконечности времен не может быть божественнее. Мы способны постичь божественное и высокое только если постоянно проникаемся окружающей нас реальностью. Вселенная всегда послушно соответствует нашим замыслам. Движемся ли мы быстро или медленно, путь для нас проложен. Посвятим же себя замыслам. Не было еще прекрасного и высокого замысла поэта или художника, чтобы его не осуществил кто-нибудь из потомков.

Желая читателю подлинного постижения божественного, Торо акцентирует внимание на «здесь и сейчас» — получить знание, постичь божественное, проникнуться окружающей

реальностью. А это, в свою очередь, возможно только посредством проникновения в самих себя. Таким образом человек поворачивается лицом к фактам, событиям, а не к вещам. Торо призывает оглянуться на самих себя, иметь смелость остаться наедине с самими собой.

«Заняться делом», по Торо, значит, жить разумно, использовать подлинные образцы, а не подделки, испробовать истинную реальность, а не видимость, обволакивающую середину, сущность, скрывая ее, подобно туману. Торо предлагает для обсуждения вариант персонального опыта, который позволяет удостовериться в том, что реальность социальных эстафет философствования, в которой читатель такой же творец, как и сам автор, действительно в состоянии освободить из тисков вещного мира творческие способности человека.

«Духовное бодрствование» приводит человека к необходимой черте и позволяет переступить ее. Существует некоторая математическим методом прописанная культурой точка, к достижению которой следует стремиться на протяжении всего пути. Только в поле сохранения культурной традиции человек в состоянии создать новое: через воспроизведение старого. Человеку не следует бояться метафизического путешествия:

Нет, станьте Колумбами целых новых континентов и миров внутри себя, открывайте новые пути — не для торговли, а для мысли. Каждый из нас владеет страной, рядом с которой земные владения русского царя кажутся карликовым государством, бугорком, оставленным льдами.

Следует отметить, что при жизни Торо не был понят современниками. Первое издание «Уолдена» не раскупалось. В 1906 году, когда было издано полное собрание сочинений писателя, о Торо никто ничего не слышал. Генри Торо стал популярен в США лишь спустя более века после своей смерти. Сейчас он, наряду с Джоном Мюиром и Леопольдом Олдо, наиболее цитируемый автор в экофилософских работах Запада.

Торо являлся трансценденталистом и поэтому верил в существование «сверхдуши» или божественной моральной силы, которая управляет всем творением. Он также изучал буддийскую религию и был первым переводчиком буддийской «Лотус Сутры» на английский язык. Все это оказало огромное влияние на развитие его природоохранных взглядов.

Для чего же «бакалавр природы» поставил свой эксперимент? Ведь понятно, что даже если бы он практически доказал возможность жить, мыслить, реализовываться и при этом говорить о себе, что «самый большой мой талант — это малые потребности», то не следовало ожидать, что американцы тут же последуют его примеру и променяют свой бизнес на идею духовного совершенствования.

Надо научиться просыпаться и бодрствовать, для этого нужны не искусственные средства, а постоянное ожидание рассвета, которое не должно покидать нас в самом глубоком сне. Больше всего надежд в меня вселяет несомненная способность человека возвыситься благодаря сознательному усилию.

Доктора мудро советуют больному переменить климат и обстановку. Благодарение богу, свет клином не сошелся... Мир шире, чем наши понятия о нем.

Не стоит ехать вокруг света ради того, чтобы сосчитать кошек в Занзибаре. Но пока вы не умеете ничего иного, делайте хотя бы это, и вы, может быть, отыщете наконец (как) можно проникнуть внутрь себя.

Я ушел из леса по столь же важным причинам, что и поселился там. Быть может, мне казалось, что мне нужно прожить еще несколько жизней и я не мог тратить больше времени на эту... Я не хотел путешествовать в каюте, я предпочел отправиться в путь простым матросом и находиться на палубе мира, откуда лучше виден лунный свет на горах. Я и сейчас не хочу спускаться вниз.

Мой опыт, во всяком случае, научил меня следующему: если человек смело шагает к своей мечте и пытается жить так, как она ему подсказывает, его ожидает успех, какого не дано будничному существованию. Кое-что он оставит позади, перешагнет какие-то невидимые границы; вокруг него и внутри него установятся новые, всеобщие и более свободные законы или старые будут истолкованы в его пользу в более широком смысле, и он обретет свободу, подобающую высшему существу.

Англия и Америка предъявляют нелепое требование: говорить так, чтобы они тебя понимали. При этом условии не растет ни человек, ни поганый гриб. Точно это так важно, и тебя некому понимать, кроме них.

Как ни жалка твоя жизнь, гляди ей в лицо и живи ею; не отстраняйся от нее и не проклинай ее. Она не так плоха, как ты сам. Она кажется всего беднее, когда ты всего богаче.

Не хлопочи так усиленно о новом — ни о новых друзьях, ни о новых одеждах. Лучше перелицевать старые или вернуться к ним. Вещи не меняются, это мы меняемся. Продай свою одежду, но сохрани мысли. Бог позаботится о том, чтобы ты не остался одинок...

В очень широком, но истинном значении усилие и есть уже дело само по себе, и только когда вмешиваются обстоятельства практические, наше внимание перемещается с самого дела на вещи случайные. Люди славят не дело, но какой-нибудь кусок мрамора или холст, которые представляют собой лишь площадку для настоящей работы. Торо на собственном опыте показал, что всякий человек при соответствующем осмыслении жизненного пути способен благодаря сознательному усилию возвыситься над окружающим его псевдонатуральным порядком вещей, сосредоточиться на деле, на самой «волне», несущей его по пространству содержания мыслей и действия, и тем самым открыть в себе возможность самообновления. Избавляясь от идолов, паразитов сознания, подделок под жизнь, Торо обнаруживает и актуализирует способность мыслить, подтверждая, что человек мышлению предназначен и уготован.

«Уолден» — многоплановое произведение: это не только дневник автора, озабоченного социальными проблемами современной американской жизни, но также и романтическая утопия, в центре которой герой-индивидуалист, склонный к самым крайним средствам протеста.

Полемический характер носят, как правило, и крайности Торо, когда он выражает протест против некоторых черт современной цивилизации. Наиболее резкие нападки выражены в

произведениях Торо преимущественно в виде прямых парадоксов. Характеризовать Торо как последовательного опрошителя, противника прогресса и культуры было бы несправедливо.

Уолденская антиурбанистическая утопия Торо — фермерская, антикапиталистическая, очищенная от собственнических и патриархальных черт, имеет индивидуалистическое содержание. Это ограничивает ее социальный масштаб. Однако эта утопия верно отражает процессы духовной и физической деградации человека, которыми сопровождается «промышленный прогресс». Тем не менее, утопия Торо выражает протест против нездоровых черт промышленного прогресса.

Философия Торо не сводима лишь к полемическим парадоксам «Уолдена». Личные взгляды и «жизненная практика» автора утопии не укладываются лишь в идейный мир Уолдена, а имеют более широкий контекст и более выразительное общественное значение. Сам автор, впрочем, дистанцировался от каких-либо реформаторских взглядов, не считал необходимым проведение политических реформ, но настаивал лишь на необходимости личного самосовершенствования человека, нравственного и физического.

Внешне абсолютное противопоставление человека и общества в произведениях Торо таковым не является. Торо не был ни социальным изгоем, ни нигилистом-беглецом от цивилизации. Уход в лес Торо не есть акт отшельнического заточения, этот поступок продиктован стремлением найти точку опоры и вернуться в общество, но обновленным и духовно окрепшим, по крайней мере, теоретически. Однако практика обнаружила скрытые недостатки, изъяны проекта самоизоляции, что в конечном итоге привело к возвращению в город:

Я ушел из леса по столь же важным причинам, что и поселился там. Быть может, мне казалось, что мне нужно прожить еще несколько жизней, и я не мог тратить больше времени на эту.

Письменная традиция сохранила версию Эмерсона о произошедшем с Генри Торо:

(Торо) прожил... в одиночестве два года, наполненных физическим и умственным трудом. Этот поступок был совершенно естественным для него и вполне соответствовал его натуре. Никто... не мог обвинить его в нарочитости. Именно строй мысли, а не только поведение отличало его от окружающих. И как только Торо сполна воспользовался преимуществами уединенности, он отказался от нее».

Торо не отступал от античной традиции и сводил предмет философии к поискам смысла жизни, то есть такой мудрости, которая научила бы человека жить в гармонии с собой, космосом и окружающими. Торо считал, что философия теряет изначальный смысл, и делал попытку вернуть его в философскую практику.

В той реальности, которую продемонстрировал Торо, философский образ жизни представлял собой последовательность поступков, совершенных вопреки «общественным нормам», которые, по мнению философа, представляли собой лишь предрассудки, враждебные природе человека, враждебные не только его «низкому», «животному началу»,

но и «человеку вообще», включая его «божественную, духовную часть». Эмерсон, разделяя взгляды Торо в целом, не был столь радикален, как Торо, и совершенно определенно не приветствовал «выходки» Торо, называемые «практической философией». Произнесенные Торо слова «истинный философ даже во внешнем образе жизни идет впереди своего века», по мнению Эмерсона, хоть и справедливы, но проблема состояла в том, что Торо следовал им буквально. Эмерсон не желал идти впереди своего века в повседневном укладе жизни — его устраивало наличие стандартов «общественного мнения». Стремление Торо добиваться определенной, заданной волевым решением последовательности жизненного курса, делать все так, чтобы каждый прожитый день, час, каждый поступок были философски обоснованы, Эмерсон называл мальчишеством, «игрой».

Торо же считал первостепенной важность объединения «философии» и «мудрости», задавался проблемой места «мудреца» в этой жизни, сущности подлинной мудрости, заявляющей о себе не в Гималаях, а в «обыденной реальности» (в Массачусетсе). Конечно, Торо не признавал географических характеристик мудрости, обладавшей транснациональностью и трансконтинентальностью. Но, несмотря на это, он вынужден был признавать, что в Массачусетсе «мудрость» обнаружить сложнее, чем в буддистских монастырях.

Торо мог представить себе философа, занимающегося деятельностью, не имеющей отношения к философии. Уверенность в такой возможности определялась принципом «доверия к себе» (введен Эмерсоном, развит позднее другими членами кружка). Главным было признание автономии духа, его первичности по отношению к материальным силам, определяющим или ограничивающим повседневное бытие. Конструирование философски обоснованной жизни, согласно Торо, и представляет собой подлинную мудрость, иначе говоря, мудрость состоит в конструировании собственной жизни в согласии с трансцендентными принципами.

Глава 3. БАКАЛАВР ПРИРОДЫ

Трансцендентализм повлиял на формирование идей Торо о связи человека с дикой природой. Трансценденталисты имели четкую концепцию о месте человека во Вселенной. Человек разделен между объектом и сущностью. Физическое существование, материальная жизнь человека связывает его со всеми материальными объектами природы, но его душа имеет возможность подняться выше «материального» состояния. Интуиция позволяет человеку проникнуть в мир трансцендентного, постичь духовные истины. Каждый человек, согласно учению трансценденталистов, имеет эту способность, но процесс самосознания настолько труден, что немногими людьми реализуется:

«Человеку не под силу быть натуралистом для непосредственного созерцания природы... он должен смотреть сквозь и через нее».

Трансценденталисты соглашались с деистами в том, что природа является средой для религий, приближаясь к воззрениям некоторых поэтов-романтиков, например, английского поэта Вильяма Вордсворта, верившего в наличие моральных импульсов, излучаемых полями и лесами.

Трансцендентальная концепция человека соотносится с привлекательностью природы, искра божественности имела как в дикой природе, так и в человеческом сердце. Общественное мнение современного Торо американского общества опасалось, что изначальная греховность человеческой природы выйдет из-под контроля человека, если он будет оставаться в вакууме дикой природы. Отправившись жить в лес, человек может потерять духовную природу и превратиться в животное — считали в большинстве своем современники Торо. Трансценденталисты, напротив, верили в первоначальную доброту человека и аргументировали возможность богопознания и нравственного совершенствования посредством общения с дикой природой.

«Я люблю Природу отчасти потому, что она — противоположность человеку, убежище, где можно от него укрыться. Ни один из его институтов не проникает сюда и не имеет над ней силы. Здесь царит иное право. Среди природы я могу дышать полной грудью. Если бы мир был только царством человека, я не смог бы распрямиться во весь рост и потерял бы всякую надежду. Мир человека для меня — оковы; мир природы — свобода... Счастье, которое дарит нам Природа, сравнимо лишь с тем, которое доставляют искренние слова любимого нами человека».

В одной из своих работ Торо пишет:

«Лес наполнен таким же живым духом, как и человек». Концепция Торо о дикой природе была революционна тем, что оказалась лишена всякой дискриминации дикой природы. Хотя Торо и не использовал термина «экоэтика», он являлся ее идеологическим основателем. Тезис Торо «лучше дарить жизнь, чем смерть» стал кредо природоохранного движения.

Дикая природа по Торо — «вечный источник жизни». Торо один из первых объявил, что свобода — одна из главных ценностей природы:

Каждая сосновая иголка наполнена сочувствием и помощью. Я четко ощущал присутствие чего-то родственного даже в сценах, которые мы привыкли называть дикими и страшными, и то, что самым близким мне по крови и самым гуманным был вовсе не человек, и что никакое место не будет для меня чужим.

Здоровье вы найдете не в обществе, а в природе, общество всегда больно, и даже самое лучшее общество — самое больное.

Торо одним из первых стал призывать к экосаботажу. В частности, он предлагал ломать плотины на реках, мешающие рыбе нереститься. Философ считал, что природный закон нужно ставить выше национального, т. е. никакое законодательство не может запретить моральное право любого организма на существование.

Торо провозглашает важную идею о том, что ценность дикой природы лежит в ее нетрадиционности, а не в рыночной полезности. «Жизнь — это дикая среда. Наиболее живое является наиболее диким», — заявлял экофилософ. Недаром у Торо наряду со словом «красивый» часто употребляется слово «дикий», а приближение к дикой природе он понимал как приближение к духовному началу. Мир дикой природы непорочен — вот один из главных выводов Торо. Этот мир красив и морально совершенен. Человек своей

экономической деятельностью вносит в него порок и безобразие.

У Торо нетронутость, дикость, первозданность природы оказываются критериями гармоничности. Природа требует к себе бережного, благоговейного отношения; нарушение ее гармонии пагубно отражается на нравственности людей. Дикая природа допускает лишь «созерцательное» освоение; человек не должен ни подчинять, ни изменять дикую природу.

Практически во всех своих работах, но прежде всего в «Дневниках», «Чернике», «Уолдене» и «Прогулках» Торо восхваляет ценность и первозданность дикой природы. Ничего подобного люди не читали. Все споры о дикой природе велись с использованием романтических или патриотических аргументов. В «Уолдене» он писал:

Зрелище дикой природы стало удивительно обычным. Я ощущал и донныне ощущаю, как и большинство людей, стремление к высшей, или, как ее называют, духовной жизни и одновременно тягу к первобытному, и я что оба эти стремления.

Большинство людей не заботится о природе и променяло бы свою долю ее красоты за определенную сумму, если это хоть как-то улучшит их жизнь, а многие даже за стакан рома. Слава Богу, люди не могут летать и уничтожать небо так же, как и землю. На данный момент мы можем за это быть спокойны. Именно потому, что некоторым на это наплевать, мы должны продолжать все защищать от вандализма немногих.

Отношение Торо к природе было во многом определено его в целом негативным отношением к урбанистической цивилизации. Быстрые темпы развития промышленности и усиление материалистического мировоззрения вынуждали Торо и многих его современников тревожиться за будущее. Это беспокойство проявлялось на фоне сильной веры в технический и технологический прогресс. Торо опасался, что технологическая цивилизация уничтожит лучшие образцы жизни. Развитие философии дикой природы коррелирует с ростом неудовлетворенности философа своим обществом: «Вещи в седле, и едут верхом на человечестве». Торо говорил о коммерческом вирусе, заразившем эпоху.

В отличие от многих романтиков, Торо не удовлетворялся лишь провозглашением любви к дикой природе, желая понять ее ценность. По мнению писателя, первичная ценность природы состоит в том, что она выступает источником творческой силы и вдохновения, а утрата человеком связи с природой делает его слабым. Как в природе, так и «в литературе нас привлекает только дикое, нецивилизованное, свободное и дикое мышление».

Современные поэты и философы также получают выгоду, поддерживая контакт с дикой природой. Как неисчерпаемый оплодотворитель интеллекта, она не имеет себе равных... Не только ради силы, но и для красоты поэт должен время от времени путешествовать тропой лесоруба и индейской дорожкой, напиться из какого-то нового и более бодрящего фонтана Муз в каком-то потерянном уголке дикой природы.

Развивая идеи о ценности дикой природы, Торо не избежал банальных утверждений и бездоказательных суждений, однако использованные им метафоры и сравнения поражают своим уровнем. Например, рассуждая о величественности как таковой, он вспоминает, что Ромула и Рема вскормила волчица, после чего дает определение Америки как современной

волчицы.

Торо не был безоблачным оптимистом, ему свойственны умеренность и осторожность в суждениях, в прогнозах:

Я верю, что Адам в раю не чувствовал себя так уютно, как житель лесной глубинки в Америке... Остается только посмотреть, как поведет себя западный Адам в дикой природе.

Пропагандируя ценность свободной жизни, Торо чувствовал большое уважение к цивилизации, понимал необходимость баланса. Писатель размышлял о первобытности и цивилизованном состоянии человека; в молодости первому он отдавал предпочтение, находя в нем меньше зла. Первобытность «стоит свободно и раскованно в природе, является ее жителем а не гостем». Однако более пристальное изучение жизни индейцев развеяло его примитивистские рассуждения. Оказалось, что вместо гармоничного существования в лоне природы индейцы, «неуклюжие» индейцы «грубо и нерационально используют природу». «Цивилизованный» человек, конечно, от индейцев не отставал:

На одного, что приходит с карандашом для этюдов, приходится тысяча с топорами и ружьями... Дикари, как и цивилизованные нации, имеют свои высокие и низкие идеалы... Возможно ли свести вместе выносливость дикарей и интеллектуальность цивилизованного человека? Иначе говоря, могут ли люди жить, сохраняя все преимущества цивилизации, не страдая от недостатков?

Идеальный трансцендентально мыслящий человек занимает центральную позицию, притягивая и дикое, и благородное. Торо на собственном примере демонстрирует наличие в человеческой природе инстинктов, направленных как на «высшее, духовное понятие жизни», так и на «примитивное, грубое и первобытное». Торо чувствовал, что живет чем-то, средним между жизнью дикаря и цивилизованного человека. По мнению философа, цивилизованный человек должен в конце концов зачахнуть, как культурное растение, за которым не осуществляется должный уход. Оптимальное человеческое существование по Торо возможно, если человек в состоянии чередовать жизнь в дикой среде с цивилизацией или выбирать «частично культивированную местность», или иным путем поддерживать контакт с обоими краями спектра. С этой концепцией Торо произвел интеллектуальную революцию в американском обществе, изменив общественное мнение таким образом, что последнее стало находить в дикой жизни более привлекательности, чем неприятных сторон.

Природа рассматривается Генри Торо как идеал красоты и морального совершенства. В общении с ней писатель видит неиссякаемый источник очищения души, средство обретения гармонии с космическим порядком. Призвание философии состоит в осмыслении человеческих проблем, формировании идеальных личностных качеств: любви к мудрости, независимости, великодушия и веры. Мудрость, реализуемая в соответствующем философском образе жизни, является интуитивно- эмоциональным приятием нравственных норм. Торо стремился к наполнению каждого мгновения жизни сокровенным смыслом и духовным содержанием. Общение с природой является, по Торо, средством выявления глубинной человеческой предназначенности:

Лес наполнен таким же живым духом, как и человек. Здоровье вы, обнаружите не в обществе, а в природе. Общество всегда больно, и даже самое лучшее общество — самое больное. Поползень и красная белка — компания более вдохновляющая, чем общество государственных мужей и философов...

В дикости обнаруживается сохранение мира. Я люблю дикое не меньше, чем нравственное. Жизнь — дикая среда. Наиболее живое является наиболее диким».

Как и Р. У. Эмерсон, Торо относится к природе как к началу начал, единственно способному вернуть человеку самого себя:

Земля — не осколок мертвой истории, не пласты, слежавшиеся, как листы в книге, интересные для одних лишь геологов и антиквариетов; это — живая поэзия, листы дерева, за которыми следуют цветы и плоды; это — не ископаемое, а живое существо; главная жизнь сосредоточена в глубине, а животный и растительный мир лишь паразитируют на поверхности. Небеса находятся у нас под ногами, а не только над головой.

Большое внимание Торо уделял практике заповедания. По его мнению, возле каждого города «должен быть парк или первозданный лес в 500 или 1000 акров. Эти места должны принадлежать общественности, и к ним она должна относиться с почтением».

Уникальность рассуждений Генри Торо состоит в том, что он пошел дальше Адама Смита и Карла Маркса, сводящих ценности дикой природы к безграничным возможностям ее использования. В противовес христианам и иудеям, обесценившим природу, Торо хотел восстановить в природе святость, создать мифологию новой дикой природы:

Те, кто покупает ягоды и фрукты, как и те, кто растит их на продажу, не знают их истинного аромата. Узнать его можно лишь одним способом, но к нему прибегают немногие. Если хочешь узнать, как вкусна черника, спроси у пастуха или у перепелки. Кто никогда не собирал черники, тот напрасно думает, что знает ее вкус... Неповторимый аромат и вкус ее исчезают вместе снежным налетом, который стирается с нее в рыночной повозке, и она превращается в простой фураж.

Иногда я заходил в сосновые рощи, стоящие подобно храмам или флотам в море, с полной оснасткой, волнистыми сучьями и струящимся светом, настолько мягким, зеленым и тенистым, что друиды могли покинуть свои дубы, чтобы начать поклоняться этим соснам...

Удивительно, как ценится лес даже в наш век и в нашей новой стране — ценность его устойчивее цены золота. При всех наших открытиях и изобретениях никто не проходит равнодушно мимо кучи дров. Лес так же дорог нам, как нашим саксонским и норманнским предкам. Они делали из него луки, а мы делаем ружейные стволы.

В отличие от большинства людей, Торо провозглашает важную идею о том, что ценность дикой природы лежит в ее нетрадиционности, а не в рыночной полезности. Недаром у Торо наряду со словом «красивый» часто употребляется слово «дикий», а приближение к дикой природе он понимал как приближение к духовному началу. Мир дикой природы непорочен — вот один из главных выводов. Этот мир красив и морально совершенен. И только человек

своим присутствием и своей деятельностью вносит в него порок и безобразие.

Нетронутость, дикость, первозданность природы оказываются критериями гармоничности, поэтому природа требует к себе бережного отношения: нарушение ее гармонии пагубно отражается на нравственности людей. Дикая природа допускает лишь «созерцательное» освоение; человек не должен ни подчинять, ни изменять дикую природу.

В «Уолдене» Торо писал:

Зрелище дикой природы стало удивительно обычным. Я ощущал и доныне ощущаю, как и большинство людей, стремление к высшей, или, как ее называют, духовной жизни и одновременно тягу к первобытному, и я чту оба эти стремления.

Лучшие свойства нашей природы, подобные нежному пушку на плодах, можно сохранить только самым бережным обращением. А мы отнюдь не бережны ни друг к Другу, ни к самим себе.

В «Прогулках» писатель продолжает:

Дайте мне жить там, где мне хочется. Пусть с одной стороны будет город, а с другой — дикая природа. Я все чаще ухожу из города и удаляюсь на природу.

Когда я говорю «Запад», я имею в виду дикую природу. А те- перья подошел наконец к своей главной мысли: сохранение нашего мира зависит от того, сохраним ли мы дикую природу. Каждое дерево посылает свои живые ткани в поисках этой природы. Города ввозят ее и платят за нее любую цену. В поисках ее люди бороздят океаны. В лесах, в диких местах добывают лекарства и травы, которые повышают наш тонус. Наши предки были дикарями. История о Ромуле и Реме, вскормленных волчицей — не просто фантастическая легенда. Основатели каждого государства, которое достигло могущества, выпитывали живительную силу из подобного источника, близкого к дикой природе.

Надежда и будущее ассоциируются для меня не с обработанными полями и лужайками, не с городами, а с непроходимыми топями и болотами... Для меня нет богаче цветника, чем густые заросли карликовой андромеды, которые покрывают эти нежные места на поверхности земли.

Спасение города не в его праведниках, а в окружающих его лесах и болотах.

Цивилизованные страны — Греция, Рим, Англия— держались тем, что на их территориях некогда росли первобытные леса.

В эссе «Черника» Торо пишет:

Реки и водопады, луга и озера, холмы и скалы, горы, леса и древние деревья — все они прекрасны. Они очень ценны, и ни доллары, ни центы не стоят их... Они учат людей больше, чем высшие школы, проповедники или любая современная система образования.

Я нахожу, что молодые горожане плохо понимают, в чем ценность дубов и сосен, кроме чисто внешнего впечатления. Может, нам пригласить человека с лекцией по ботанике о дубах, например, вместо того, чтобы разрешать их рубить. Что равносильно тому, чтобы учить детей латыни и греческому языку, сжигая книги, написанные на этих языках. Часто бывает, что основная ценность города — это городской лес, который нужно сохранять в его первоначальном состоянии.

В произведениях Торо содержится немало прямых призывов к охране природы. В «Прогулках» он заявляет, что наилучшая часть земли не есть частная собственность, ландшафтом не владеет никто. В 1861 году, ближе к концу своей жизни, он сожалел о том, что «большинство людей не заботится о природе и променяло бы свою долю ее красоты за определенную сумму».

Ралф Эмерсон оказал огромное влияние на эконософское учение Генри Торо, разделяя практически целиком его взгляды в этой области. Эмерсона считают учителем Генри Торо и Джона Мюира, также известного американского теоретика-эколога, как и Торо, мало известного в кругу постсоветских экологов.

Торо учил ценить дикую природу за ее неэкономические ценности. Нравственное воздействие природы на любого человека не ограничивается ее потребительскими качествами, которые на самом деле минимальны. Ни одно из растений или животных не может быть «вредным» или «бесполезным». Просто достоинства их еще не известны или не востребованы. Эмерсон считал, что все деревья есть «незаконченные люди», и это учение получило дальнейшее развитие в произведениях Генри Торо.

«Русским Торо» часто называют Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), поскольку, подобно Торо в Соединенных Штатах, он первым в российской культурной традиции стал воспевать дикую природу — ее первоначальность и священность: «Дикость для меня священна; она возвеличивает дух мой. Рощи мои будут целы, пусть зарастают они высокою травой!».

Эконософские идеи, созвучные высказанным Эмерсоном и Торо, в разные годы и в разных странах были развиты Альбертом Швейцером (Франция), Иваном Парфеньевичем Бородиным, Григорием Александровичем Кожевниковым (Россия), Эдвином Бернбаумом (США) и другими. Генри Торо в числе этих мыслителей считают одним из основателей экологической этики, учения о таком отношении к природе, которое неотъемлемо от священного, религиозного чувства человека. Идея священного превращается в этическую природоохранную идею, составляя смысл и определяя содержание экологической этики.

Эконософия противоположна и враждебна ресурсизму, выражающему принцип отношения к природе как средству для удовлетворения человеческих потребностей, имеет принципом «наибольшее благо для наибольшего количества людей в течение наибольшего времени» и развивает теорию «рационального использования» природных ресурсов. Эконософия отвергает исключительность экономической составляющей в отношении к природе, учит, что дикая природа имеет внутреннюю ценность, цель и собственные права.

Для сторонника «рационального использования природных ресурсов» природа остается противником, которого надо покорить с помощью технологий. А экология — инструментом, при помощи которого поддерживается такая идея дикой природы. Торо предвосхитил многие природоохранные идеи известных в настоящее время экофилософов, основателей различных школ и направлений, отвергающих ресурсизм как путь, влекущий к угрозе полного уничтожения дикой природы, а впоследствии и человеческой цивилизации, связанных между собой многочисленными тонкими, в том числе трансцендентными связями. Такие идеи мы находим в творчестве русского экофилософа Николая Федоровича Щебины, проповедовавшего холизм, любовь и сострадание ко всему живому и неживому, восхвалявшего красоту и свободу дикой природы, отрицавшего власть человека над природой.

Этика, эстетика, наука и религия образовали объединенную систему природоохранной идеологии Мюира, последователя Эмерсона. Мюир развил идею Эмерсона о том, что «не существует объекта настолько отвратительного, чтобы сильный свет не сделал его красивым», Мюир верил, что любой, кто попадает на вершины Сьерры, будет помогать защищать их. Генри Торо также верил в мистические способности дикой природы вдохновлять и преобразовать человека, дарить ему жизненные силы, наполнять ее смыслом.

Экология является не только отраслью научного знания в системе биологических наук, но и понятием-символом эпохального значения мировой цивилизации и культуры, ее новым животрепещущим философско-мировоззренческим ориентиром и новым измерением. Экологическая философия вообще представляет собой продукт продолжающейся дифференциации философского знания, возникший в первой трети XX столетия, и ставший, благодаря своему интегральному потенциалу, перспективной точкой роста современной философии, равно как и многообещающим ориентиром более продвинутой экологизации науки, производства и всех предметных отраслей и уровней образования. Во времена Торо понятий «экология» и «экологическая философия» не существовало.

Эмерсона и Торо не называют основателями экологии лишь потому, что несколькими десятилетиями позже сформировался минимум ключевых понятий, позволявших утверждать начало новой научной дисциплины. Однако ни одно из экологических изданий, рассматривающих историю возникновения и развития экологии, не может обойтись без упоминания этих имен, стоящих в самом начале списка основоположников дискурса, вслед за Геккелем и Дарвином. В США Джильберта Уайта, Ральфа Уолдо Эмерсона и Генри Дэвида Торо считают «отцами экологии», Торо называют даже «теологическим экологом». Эрнст Геккель ввел термин «экология» в биологическую науку в 1866 году. Лишь сопоставив дату написания «Уолдена» и эту дату, можно понять революционность воззрений Торо, оставшихся долгие годы непонятыми современниками.

«Поползень и красная белка — компания более вдохновляющая, чем общество государственных мужей и философов».

С этого тезиса начинается Торо-экофилософ. Экологическая философия незаметно рождается Торо из размышлений о социальных противоречиях в обществе и развивается последовательно автором в довольно стройную систему взглядов, которые не утрачивают

своей связи с социальной проблематикой на всем пути их изложения.

Торо первым в западной культурной традиции стал говорить о дикой природе как о нравственной и свободной сущности, которую именно за это и нужно ценить. По его мнению, дикая природа представляет собой иную, отличную от нашей цивилизацию. Лес занимает в ней особенное место, уничтожение дерева представляет собой трагедию: дерево становится «всего лишь древесиной». Наиболее широко известен тезис Торо, звучащий как «В дикости состоит сохранение мира». Торо утверждал: «Я люблю дикое не меньше, чем нравственное».

Писатель полагал, что технократическая цивилизация предлагает людям суррогат жизни, но не саму жизнь. Копии — неизбежный, вынужденный продукт потребительского общества, который в результате естественного развития такого общества начинает со временем претендовать на первозданность подлинника. Когда происходит такая подмена, человек теряет способность отличать одно от другого.

Я люблю природу отчасти потому, что она — противоположность человеку, убежище, где можно от него укрыться... Среди природы я могу дышать полной грудью. Если бы мир был только царством человека, я не мог бы распрямиться во весь рост и потерял бы всякую надежду. Мир человека для меня — оковы; мир природы — свобода.

Торо предчувствовал, что вскоре человек начнет войну с окружающей средой, потеряет чувство меры, а вместе с ним и подлинную, полноценную свободу жизни.

Я уверен, что природа обладает особого рода искуснейшим магнетизмом, который направляет нас на верный путь, если мы, отключив мысли, предаемся ее власти.

Торо критически относился к демократическим ценностям, обладал способностью постигать меру вещей мира природы и человеческого сообщества. Эмерсон говорил о нем так: «Он был человеком редкой, тонкой и абсолютной религиозности».

Глава 4. О ГОСУДАРСТВЕ И ГРАЖДАНСКОМ НЕПОВИНОВАНИИ

После того, как человек поверит в свои силы, отказавшись от рабского повиновения внешним обстоятельствам жизни, он будет способен на большие дела. В это мгновение возрождения внешнее и внутреннее прекратят вражду, столь необходимую для целостности личности. Так считал Эмерсон, и именно это кредо, разделяемое Торо, руководило писателем при построении «философской лаборатории» на берегу Уолдена.

В развитии конституционного либерализма опасность утраты чувства меры воспринималась Торо как угроза всемирной гуманитарной катастрофы. Он предвидел, что так называемые «либеральные свободы» неизбежно станут формой атеизма и духовного рабства.

Генри Торо всегда обожествлял странника, человека идущего. Он был уверен, что каждый, совершающий свободную прогулку, «направляется в Святую землю». Впрочем, и этого не

нужно бояться. Грех страха ведет к параличу. Главное — двигаться и верить.

Одoleвайте зло силой добра. Не принимайте ограниченную философию тех, чье мужество дает не больше света, чем грошова свечка, от которой большинство предметов отбрасывают тень большую, чем они сами.

Воодушевляемый этикой отрицания, Торо был озабочен поисками положительной альтернативы, соответствующей его неисправимому оптимистическому складу мышления. Писатель отчасти находил ее в учении о гражданском неповиновении, точнее, не в учении, поскольку воззрения Торо не были изложены соответствующим образом, но в той активной позиции, которая была продемонстрирована писателем-романтиком в виде актов гражданского протеста и отражена в ряде эссе и дневниках.

Утверждая соответствие между эстетически-природным и нравственно-общественным началами, Генри Торо не был приверженцем мистицизма, но считал, что природа, приближенная к человеку, не может не включаться в процесс формирования нравственных основ личности, а процесс этот может быть осуществлен только в форме активного сопротивления социальному злу.

Я всецело согласен с утверждением: «Лучшее правительство то, которое правит как можно меньше», — и хотел бы, чтобы оно осуществлялось быстрее и более систематически. Осуществленное, оно сводится в конце концов — и за это я тоже стою — к де — визу: «Лучшее правительство то, которое не правит вовсе», а когда люди будут к этому готовы, то именно такие правительства у них и будут. Если говорить конкретно — я требую не немедленной отмены правительства, но его немедленного улучшения. Пусть каждый объявит, какое правительство он готов уважать, и это уже будет шагом к такому правительству.

Правительство, где правит большинство, не может быть основано на справедливости даже в том ограниченном смысле, в каком ее понимают люди.

Единственная обязанность, какую я имею право на себя брать — это обязанность всегда поступать так, как мне кажется правильным... Закон никогда не делал людей сколько-нибудь справедливее; а из уважения к нему даже порядочные люди ежедневно становятся орудиями несправедливости...

Очень немногие — герои, патриоты, мученики, реформаторы в высоком смысле и настоящие люди — служат государству также и своей совестью, а потому чаще всего оказывают ему сопротивление, и оно обычно считает их за своих врагов...

Несмотря на внешнюю отстраненность трансцендентализма от повседневности, от гражданских структур, общественных институтов, Торо был вынужден излагать представления о системе взаимоотношений личности и государства, высказывал критику политического устройства. Факторами повышенной социальной активности писателя стали как события его частной жизни, так и тот факт, что период его творчества совпал с годами эпохальных исторических событий в истории США. Политические взгляды Торо традиционно считают анархическими, подразумевая скорее отрицание Торо государства, нежели его

критику, что не вполне корректно.

Я призываю не к немедленному упразднению, но к немедленному созданию лучшего правительства.

Будучи последовательным мыслителем-трансценденталистом, Торо не признавал легитимность современного ему государства, полагая, что не экономическая выгода, но трансцендентальные духовные ценности должны лежать в основе его создания.

Однако, не будучи оторванным от практики мечтателем, Торо считал, что политическая реальность требует не штурма государственных органов, но исчерпывающего использования ресурсов демократии, присущих американской государственности. Позднейшие представители движения, как правило, были более догматичны.

Я наслаждаюсь мечтами о Государстве, которое сможет позволить себе быть справедливым ко всем людям и будет относиться к личности с тем же уважением, с каким должно относиться к соседу; о Государстве, которое не считало бы несовместимым со своей безопасностью то, что несколько его членов жило бы поодаль от него, которое не вмешивалось бы в это и не использовало бы это в своих узких интересах; о Государстве, которое бы выполняло все обязанности, кои выполняют между собой соседи и сограждане.

Торо жил в разногласии с социальной действительностью, что отразилось в его мировоззренческом «отчаянии». «Отчаяние» Торо экзистенциально, в нем выразительны различные аспекты жизни, от экономического до политического. В постулировании «отчаяния» Торо находит возможность обоснования существования человека как такового, рассматривая это «отчаяние» как универсальное свойство жизнедеятельности, ее основное духовное содержание. Исследователи философии часто отмечают «отчаяние» Торо как понятие, тождественное понятию отчуждения в его нравственном измерении. В этом же аспекте предлагаемый Торо личный выход возможно близок тому, который столетием позже высказал Камю, говоря об «экзистенциальном скачке». Причины отчаяния скрыты в глубинах «Я».

Тяжко работать на южного надсмотрщика, еще тяжелее на северного, но тяжелее всего, когда вы сами себе надсмотрщик. А еще говорят о божественном начале в человеке!

Нынешние времена не располагают к отдыху. Мы израсходовали весь наследственный запас свободы. Если мы хотим спасти себя, нам надо бороться.

Социальное зло в равной степени опирается на отчаяние, охватывающее души людей, и порождает его. Единственная позиция, способная разомкнуть «порочный круг», обнаруживается Торо в эстетике протеста, в идеологии гражданского неповиновения. Жизненная позиция человека должна мобилизовать его нравственный потенциал, призванный участвовать в формировании общности высшего уровня. «Оптимизация» потребностей человека, выраженная в нахождении подлинно необходимого их минимума, является необходимым условием начала подобных поисков.

Утрата идентичности человека и социальной системы создает самый мощный импульс для сначала внутреннего, а затем и массового ненасильственного протеста. Одной пропаганды недостаточно для вовлечения личности в движение гражданского неповиновения, для оправдания, обоснования неповиновения как такового.

Не следует уважать закон, если этот закон не исполнен уважением к человеку. Вариант уолденской утопии как личный выход реален скорее как исключение, нежели как правило, поэтому для тысяч людей, испытывающих активное неприятие власти, путь экологической утопии или внутренней эмиграции не может быть приемлемым. Торо провозглашает принцип открытого политического протеста как вариант позитивной альтернативы философскому самоуглублению. Ненасильственная революция предполагала два аспекта: внешний — политический и внутренний — моральный.

Если бы тысяча людей не платила в этом году налога, то это не была бы насильственная и кровавая мера; тогда как продолжать платить налоги значит дать возможность Государству вершить насилие и проливать кровь невинных. Вот, в сущности, определение мирной революции, если таковая вообще возможна.

Необходимым условием гражданского неповиновения должен стать последовательный отказ людей от сотрудничества с властями.

Если сборщик налогов или любой другой государственный служащий спросит меня, как когда-то спросил один из них: «Что же нам делать?», то я отвечу: «Если вы действительно хотите что-то сделать, то уходите из вашего учреждения. Когда подданный отвергает свое государство, когда служащий покидает свое учреждение — тогда революция совершена».

Последняя цитата определяет содержание «революции одного человека». Переворот в сознании первичен по отношению к политическому акту, что проистекает из логики трансцендентального учения.

Несправедливость, творимая властями, сама по себе подрывает нравственный Закон, что в свою очередь освобождает разумного человека от подчинения властям. Границы неподчинения определяются совестью каждого члена общества в отдельности, всеобщим принципом ненасилия. Не может влиять на принятие решения все, что не имеет нравственного характера, в том числе законодательство.

Мой опыт во всяком случае научил меня следующему: если человек смело шагает к своей мечте и пытается жить так, как она ему подсказывает, его ожидает успех, какого не дано будничному существованию.

Даже голосовать за справедливость еще не значит действовать за нее. Вы всего лишь тихо выражаете ваше желание, чтобы она победила. Мудрый не оставляет справедливость на волю случая и не хочет, чтобы она победила силою большинства.

Приблизить уничтожение рабства может только тот голосующий, который утверждает этим собственную свободу.

Если я предаюсь иным занятиям и размышлениям, мне надо хотя бы убедиться прежде, не предаюсь ли я им, сидя на чьей-либо спине. Я должен сперва слезть с нее, чтобы и тот, другой, мог предаться созерцанию.

Что касается средств исправления зла, предлагаемых государством, то мне такие средства неизвестны.

Если подданный отказывается повиноваться, а чиновник отказывается от должности, революция свершилась.

У меня нет охоты проследивать путь моего доллара, если бы даже это было возможно, пока на него не купят человека или ружье, чтобы убить человека — доллар не виноват, — но мне важно проследить последствия моего повиновения. В общем, я по-своему объявил государству тихую войну, хотя, как принято в подобных случаях, намерен тем не менее извлекать из него возможную пользу и выгоду.

Я не хочу враждовать ни с людьми, ни с народами. Не хочу заниматься казуистикой, проводить тонкие различия или выставлять себя лучше других. Скорей, я ищу предлога, чтобы подчиниться законам страны. Я даже слишком склонен им подчиняться. Эту склонность я сам в себе замечаю и каждый год при появлении сборщика налогов бываю готов пересмотреть действия и точку зрения правительств страны и штата, а также общественные настроения, чтобы найти повод повиноваться. Я полагаю, что государство скоро избавит меня от всей такой работы, и тогда я буду не лучшим патриотом, чем мои соотечественники.

Глава 5. ФИЛОСОФСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ И АФОРИЗМЫ ГЕНРИ ТОРО

Мечты — это краеугольные камни нашего характера.

Судите о своем здоровье по тому, как вы радуетесь утру и весне.

Богатство человека прямо пропорционально числу вещей, которые он может себе позволить не делать.

На тысячу человек, обрубающих ветви зла, приходится только один, бьющий в самый корень его.

Меняются не вещи; меняемся мы.

Правда — качество, крайне редко встречаемое в эпитафиях.

Для дружбы недостаточно просто доброй воли, гармонии и практической доброты, ибо друзья живут не просто в гармонии, как считают некоторые, а в мелодии.

Друзья вовсе не должны питать и укрывать наши тела — для этого достаточно соседей, нет, они должны заботиться о наших душах.

Ничто не пахнет так отвратительно, как подпорченная праведность.

Люди рождаются для успеха, а не для падений.

Лишь забывая о себе, возможно стать ближе к Богу.

И вера, и опыт говорят мне об одном и том же: поддерживать свое существование на земле — это не тягостный труд, а развлечение, если мы живем просто и мудро.

Если ты построил воздушные замки, это вовсе не значит, что твой труд пропал напрасно: именно так и должны выглядеть настоящие замки. Осталось лишь подвести под них основание.

Живи как можно ближе к тому каналу, по которому течет твоя жизнь.

Большинство предметов роскоши и так называемых жизненных удобств не только не являются необходимыми, но и определенно служат препятствиями к развитию человечества.

Если человек уверенно движется по направлению к своей мечте и стремится жить такой жизнью, какую он себе вообразил, то успех придет к нему в самый обычный час и совсем неожиданно.

Буйной любви надо страшиться так же, как ненависти. Когда любовь прочна, она всегда ясна и спокойна.

Доброта — единственное одеяние, которое никогда не ветшает.

Одиночество не измеряется милями, которые отделяют человека от его ближних.

Мы начинаем знать, лишь когда забываем все, чему нас учили.

За любовь нет другой платы, кроме возможности любить еще сильнее.

Закон не может делать людей свободными: сами люди должны делать закон свободным.

Как много людей, которые по прочтении иной хорошей книги открывали новую эру своей жизни!

Как могла бы природа быть столь светлой и прекрасной, если бы предназначенье человека не было таким же?

Мы часто бываем более одиноки среди людей, чем в тиши своих комнат. Когда человек думает или работает, он всегда наедине с собой, где бы он ни находился.

Настоящие люди служат государству своей совестью.

Не будем недооценивать значения факта: когда-нибудь на нем распустится цветок истины.

Не надо быть чересчур нравственным, иначе ты рискуешь предаться самообману. Твоя цель должна быть выше нравственности. Надо быть не просто хорошим, а хорошим ради чего-нибудь.

Куда бы человек ни пошел, где бы ни спрятался, люди обязательно найдут его, навяжут ему свои повадки, а по возможности и общество.

Нельзя убивать время, не вредя этим вечности!

Главная обезьяна в Париже натягивает на себя новую шляпу, и обезьяны всего мира делают то же самое.

Ни с кем так не приятно общаться, как с одиночеством.

Труд рождает мудрость и чистоту; лень рождает невежество и чувственность.

Пока я дружу с временами года, я не представляю, чтобы жизнь могла стать мне в тягость.

Возможности человека не измерены до сих пор. Судить о них по предыдущему опыту мы тоже не можем — человек еще так мало дерзал.

Человеку невозможно жить честно и в то же время в достатке и уважении.

Книги следует читать так же неторопливо и бережно, как они писались.

Мы должны читать лучшее, что есть в литературе, а не повторять без конца ее азы и не сидеть всю жизнь в приготовительном классе.

Читайте в первую очередь классические произведения, а то иначе вы не успеете это сделать!

В наше время существуют профессора философии, но не философы.

Люди становятся орудиями своих орудий.

Я бы столько не говорил о себе, если б на свете был еще один человек, которого я бы знал также хорошо.

Для нас важнее говорить, чем быть услышанными.

Богаче всех тот, чьи радости требуют меньше денег.

Для благотворительности, как и для всего другого, нужен талант. Желающих делать добро так много, что вакансий не остается.

Самый здравый смысл — это смысл спящего, выражаемый храпом. Мы склонны порой причислять полтора умных к полоумным, потому что воспринимаем лишь треть их ума.

Чистота, которая нравится людям, — это туман, окутывающий землю, а не лазурный воздух высот.

Хорошо лишь то, что думают, говорят или делают в особых, редких случаях.

Версия #1

Зверобой создал 23 июня 2025 21:28:36

Зверобой обновил 23 июня 2025 21:33:56